

Прекрасная книга...
История любви?
Судебная драма?
Психологический
роман?
«Клятва» —
это все вместе.

*Ft. Lauderdale
Sun-Sentinel*

КЛЯТВА ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

РОМАН

ДЖОДИ ПИКОЛТ

АВТОР БЕСТСЕЛДЕРОВ #1 ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Джоди Пиколт

Клятва. История любви

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64456087

*Дж. Пиколт. Клятва. История любви: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-16810-7*

Аннотация

Крис и Эмили. Они с рождения вместе, а повзрослев, полюбили друг друга. Их семьи много лет дружат, и родители уже поговаривают о свадьбе. Но все рушится, когда им сообщают, что Эмили застрелили. В убийстве обвиняют Криса, поскольку в тот момент он был с ней. Однако истинные мотивы смерти Эмили остаются неясными. Кто нажал на спусковой крючок? Крис не желает ничего говорить, так как дал клятву сохранить тайну Эмили. Он отказался от помощи взрослых, от протянутой руки матери, крепкого плеча отца, от уверенности опытного адвоката и сделал выбор в пользу своей любви. И ему поверили. И родители, и присяжные...

«Клятва» – это трогательная история, в которой элементы тайны сочетаются с деликатным исследованием трагической темы.

Содержание

Часть первая. Соседский мальчик	5
Сейчас	5
Тогда	32
Сейчас	48
Тогда	69
Сейчас	88
Тогда	108
Сейчас	127
Тогда	151
Сейчас	176
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Джоди Пиколт

Клятва. История любви

Jodi Picoult

The Pact

© 1998 by Jodi Picoult

© И. В. Иванченко, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Моему брату Джону, который знает, сколько стоит космический туалет, знает, как пишется «Тетрис» и как отыскать главу, случайно затерявшуюся в недрах моего компьютера.

Надеюсь, ты также знаешь, каким крутым я тебя считаю

Часть первая. Соседский мальчик

*Кто полюбил – не с первого ли взгляда?
Кристофер Марло. Геро и Леандр*

*Обнимемся и с этого момента дадим обет
вечного страдания вместе.
Томас Отуэй. Сирота*

Сейчас

Ноябрь 1997 года

Больше говорить было нечего.

Он закрыл ее своим телом, и, обнимая, она представила его себе во всех воплощениях: пятилетним – со светлыми волосами, подростком – в одиннадцать, с мужскими руками – в тринадцать. Из-за облаков на ночном небе выглядывала луна, и девушка вдохнула запах его кожи. «Я люблю тебя», – сказала она.

Он нежным касанием дотронулся до ее губ. Она чуть отодвинулась, чтобы заглянуть ему в глаза.

А потом раздался выстрел.

Несмотря на то что они никогда не заказывали заранее,

в китайском ресторане «Счастливая семья» в пятницу вечером столик в углу всегда оставляли для Хартов и Голдов, приходивших сюда уже очень давно. Много лет назад они привозили и своих маленьких детей, заполняя тесный угол высокими стульчиками и пакетами с подгузниками, что сильно усложняло работу официантов, которым приходилось маневрировать вокруг стола с подносами с дымящейся едой. Сейчас их было только четверо, и они приходили по одному к шести часам, словно их притягивало сильное магнитное поле.

Джеймс Харт пришел первым. Днем он оперировал и закончил на удивление рано. Достав из бумажного пакета палочки для еды, он зажал их в пальцах, как хирургические инструменты.

– Привет, – сказала Мелани Голд, вдруг очутившись напротив него. – Наверное, я рано.

– Нет, – ответил Джеймс. – Остальные опаздывают.

– Правда? – Движением плеч она сбросила пальто и, свернув, положила рядом. – Я надеялась, что приду рано. Пожалуй, я никогда не приходила рано.

– Знаешь, – согласился Джеймс, – пожалуй, да.

Их связывал один человек – Огаста Харт, – но Гас еще не появилась. И вот они сидели, чуть смущенные тем, что знают друг о друге чрезвычайно интимные вещи, о которых прямо никогда не говорилось, но которые могла сболтнуть Гас Харт мужу в постели или подруге Мелани за чашкой ко-

фе. Откашлявшись, Джеймс ловко перебирал в пальцах палочки для еды.

– Как ты думаешь, может, мне все бросить? – с улыбкой спросил он у Мелани. – Заделаться барабанщиком?

Мелани вспыхнула, как это бывало всякий раз, когда попадала в затруднительное положение. Проведя годы за справочным столом библиографа, который опоясывал ее наподобие кринолина, она без труда отвечала на конкретные вопросы, на легкомысленные – нет. Спроси ее Джеймс: «Каково сейчас население Аддис-Абебы?» или «Можешь сказать, какие химикаты используются в фотографии в кювете с фиксажем?» – она ни за что не покраснела бы, потому что ответы никоим образом не обидели бы его. Но вопрос про барабанщика? Что именно он хочет узнать?

– Тебе это не понравится, – стараясь говорить беспечно, произнесла Мелани. – Придется отрастить волосы и сделать пирсинг соска или что-то типа того.

– Надо ли мне знать, почему ты говоришь о пирсинге соска? – подходя к столу, спросил Майкл Голд.

Наклонившись, он прикоснулся к плечу жены, что заменяло объятие после многих лет брака.

– Даже не надейся, – ответила Мелани. – Это нужно Джеймсу, а не мне.

– По-моему, в таком случае ты автоматически лишаешься лицензии, – рассмеялся Майкл.

– Почему? – нахмурился Джеймс. – Помнишь того но-

белевского лауреата, с которым мы познакомились летом в круизе на Аляску? У него одна бровь была проколота кольцом.

– Именно, – согласился Майкл. – Необязательно иметь лицензию для сочинения поэмы целиком из ругательств. – Он встряхнул салфетку и расправил ее на коленях. – Где Гас?

Джеймс взглянул на часы. Он жил по часам, у Гас их вовсе не было. Это бесило его.

– Кажется, она отвозит Кейт к подружке в гости с ночевкой.

– Ты уже заказал? – спросил Майкл.

– Гас закажет, – оправдываясь, ответил Джеймс.

Обычно Гас появлялась первой и, как во всех прочих делах, следила, чтобы обед проходил гладко.

Словно услышав призыв мужа, в дверь китайского ресторана ворвалась Огаста Харт.

– Боже, я опоздала! – воскликнула она, одной рукой расстегивая пальто. – Вы не представляете, какой у меня был день. – Остальные трое подались вперед, ожидая услышать одну из ее скандальных историй, но вместо этого Гас взмахом руки подозвала официанта. – Как обычно, – ослепительно улыбаясь, сказала она.

Как обычно? Мелани, Майкл и Джеймс переглянулись. Так просто?

По роду своей профессиональной деятельности Гас была агентом, который жертвует свое время другим людям, не

имеющим возможности долго ждать. Занятые жители Новой Англии прибегали к ее услугам, когда, например, не хотели ждать в очереди в Отдел транспортных средств или сидеть весь день в ожидании мастера по ремонту кабельного телевидения. Она принялась укрощать свои курчавые рыжие волосы.

– Во-первых, – начала она, зажав в зубах резинку, – я провела все утро в Отделе транспортных средств, что ужасно даже при хорошем раскладе. – Она отважно попыталась завязать конский хвост, что напоминало укрощение электрического тока, и подняла взгляд. – Так вот, подходит моя очередь – знаете, к тому окошку, – и у клерка – клянусь Богом! – случается сердечный приступ. И он просто умирает на полу канцелярии.

– Это ужасно! – выдохнула Мелани.

– Мм... В особенности потому, что они закрыли прием и мне пришлось начинать с нуля.

– Больше оплачиваемых часов, – заметил Майкл.

– Не в данном случае, – сказала Гас. – Я уже запланировала встречу на два часа в Эксетере.

– В школе?

– Да. С неким мистером Дж. Фоксхиллом. Оказалось, это третьеклассник с большим запасом кеша, которому понадобился кто-то, чтобы по доверенности остался вместо него после уроков.

– Какая находчивость! – рассмеялся Джеймс.

– Нет нужды говорить, что директор не согласился, прочитав мне лекцию об ответственности взрослых, хотя я сказала ему, что не больше его знаю об этом плане. А потом, когда я еду за Кейт на футбольную тренировку, спускает шина, и я ставлю запаску и приезжаю на спортивную площадку, но Кейт уже кто-то подвез к Сьюзен.

– Гас, что случилось с клерком? – спросила Мелани.

– Ты сама поставила запаску? – поинтересовался Джеймс, проигнорировав вопрос Мелани. – Я поражен.

– Я тоже удивилась. Но на тот случай, если я сделала все задом наперед, хочу взять твою машину для поездки вечером в город.

– Опять работаешь?

Гас кивнула, с улыбкой глядя на официанта, принесшего заказ.

– Поеду в театральную кассу за билетами на *Metallica*.

– Что случилось с клерком? – более настойчиво спросила Мелани.

Все уставились на нее.

– Господи, Мел, не надо кричать! – Мелани покраснела, и Гас сразу смягчилась. – На самом деле я не знаю, что случилось, – призналась она. – Его отвезли на «скорой». – Она положила себе на тарелку чего-то из общего блюда. – Между прочим, я видела сегодня картину Эм в муниципалитете.

– Что ты делала в муниципалитете? – спросил Джеймс.

– Искала картину Эм, – пожала плечами Гас. – Она кажет-

ся такой... ну, профессиональной – в позолоченной раме и с большой голубой ленточкой, подвязанной снизу. А вы все подсмеивались надо мной, что я хранила дома карандашные рисунки ее и Криса.

Майкл улыбнулся:

– Мы смеялись, поскольку ты говорила, что когда-нибудь они станут твоим доходом на пенсии.

– Вот увидите, – сказала Гас. – В семнадцать – победитель художественного конкурса в штате, в двадцать один – открытие своей галереи, к тридцати – ее картины будут выставлены в Музее современного искусства. – Гас потянулась к руке Джеймса и повернула к себе циферблат его часов. – У меня есть еще пять минут.

– Билетная касса открывается в семь вечера? – спросил Джеймс, опуская руку на колени.

– В семь часов утра, – ответила Гас. – В машине есть спальный мешок. – Она зевнула. – Думаю, мне пора менять работу. Что-то менее нервное... вроде авиадиспетчера или премьер-министра Израиля. – Она потянулась к блюду с курицей мушу, принялась заворачивать блинчики и раздавать их. – Как там катаракта миссис Гринблат? – рассеянно спросила она.

– Вылечена, – ответил Джеймс. – Есть шанс, что у нее будет стопроцентное зрение.

– Мне нужна операция по катаракте, – вздохнула Мелани. – Не могу себе вообразить, что просыпаюсь и хорошо

вижу.

– Тебе не нужна эта операция, – возразил Майкл.

– Почему? Избавлюсь от линз, к тому же я знаю хорошего хирурга.

– Джеймс не может тебя оперировать, – улыбнулась Гас. – Разве нет против этого какого-нибудь этического закона?

– Он не распространяется на виртуальную семью, – возразила Мелани.

– Мне это нравится, – сказала Гас. – Виртуальная семья. Должно быть соглашение... знаете, как гражданский брак. Если вы достаточно долго и тесно связаны друг с другом, то становитесь родственниками. – Она проглотила остатки блинчика и встала. – Ну что ж, обед был роскошным и приятным.

– Задержись на минуту, – попросила Мелани, обратившись к помощнику официанта с просьбой принести печенье с предсказаниями. Когда тот вернулся, она засунула несколько штук в карман Гас. – Вот. В билетной кассе ничего не дают на вынос.

Майкл взял печенье и разломил его.

– «Дар любви не дается легко», – прочитал он вслух.

– «Человеку столько лет, на сколько он себя чувствует», – изучая собственную судьбу, сказал Джеймс. – Сейчас это мне мало о чем говорит.

Все посмотрели на Мелани, но она прочла предсказание и спрятала его в карман. Она верила, что если произнести

вслух счастливое предсказание, то оно не сбудется.

Гас взяла с тарелки одну из оставшихся печенюшек и разломил ее.

– Представляете, у меня пустышка? – рассмеялась она.

– Ничего нет? – спросил Майкл. – За это полагается бесплатный обед.

– Посмотри на полу, Гас. Наверное, уронила, – предположила Мелани. – Кто-нибудь слышал о печенье с предсказаниями без предсказания?

Но бумажки не было ни на полу, ни под тарелкой, ни в складках пальто Гас. Она с сожалением покачала головой и подняла свою чашку:

– За мое будущее!

Допив чай, Гас поспешно ушла.

Бейнбридж в штате Нью-Гэмпшир был спальным городком, населенным в основном преподавателями из Дартмутского колледжа и врачами из местной больницы. Возникший в конце семидесятых годов XX века город располагался достаточно близко к университету и потому считался привлекательной недвижимостью, а удаленность от мегаполисов позволяла называть его сельской местностью. Узкие дороги, вкрапленные между старыми молочными фермами, расходились по земельным участкам площадью пять акров. Одной из них была Вуд-Холлоу-роуд, где жили Голды и Харты.

Их участки вместе образовывали квадрат – два треуголь-

ника с общей гипотенузой. Земля Хартов узким концом подходила к шоссе, а затем расширялась. С участком Голдов все было наоборот, поэтому их дома стояли на расстоянии всего акра один от другого. Но участки разделялись узкой лесной полосой, не полностью закрывающей вид на соседский дом.

Майкл и Мелани, каждый на своей машине, ехали следом за «вольво» Джеймса, свернувшей на Вуд-Холлоу-роуд. Через полмили, поднявшись на холм, Джеймс свернул налево у гранитного столба с номером 34. Майкл повернул на следующую подъездную дорожку. Выключив зажигание, он вылез из машины и вступил в небольшой прямоугольник света, исходивший от пассажирского отделения. Тут же Грейди и Бо прыгнули к нему на грудь. Пока он ждал, чтобы Мелани вышла из машины, около него кружили ирландские сеттеры.

– Непохоже, чтобы Эм была дома, – заметил он.

Выйдя из машины, Мелани плавным экономным движением захлопнула дверь.

– Сейчас восемь часов, – сказала она. – Она, наверное, только что уехала.

Вслед за Мелани Майкл вошел на кухню через боковую дверь.

– Кто сегодня вечером на вызовах? – спросила Мелани, выкладывая на стол небольшую стопку книг.

Майкл вытянул руки над головой:

– Не знаю. Не я. Думаю, Ричардс из ветклиники «Уэстон».

Он подошел к двери и позвал сеттеров, которые устави-

лись на него, но не перестали гоняться за листьями на дворе.

– Вот абсурд, – заметила Мелани. – Ветеринар, не умеющий контролировать собственных собак.

Майкл отступил в сторону, когда Мелани подошла к двери и свистнула. Собаки промчались мимо него, принося с собой свежий вечерний воздух.

– Это собаки Эмили, – сказал он. – Другое дело.

В три часа ночи зазвонил телефон, и Джеймс Харт моментально проснулся. Он попытался представить себе, что не так с миссис Гринблат, поскольку именно она могла нуждаться в неотложной помощи. Он пошарил по кровати в том месте, где должна была быть жена, и дотянулся до телефона.

– Да?

– Это мистер Харт?

– Доктор Харт, – поправил Джеймс.

– Доктор Харт, говорит офицер Стэнли из полиции Бейнбриджа. Ваш сын ранен и доставлен в Мемориальную больницу Бейнбриджа.

Джеймс почувствовал, как у него сжимается горло, пока он пытался выговорить фразы, цепляющиеся одна за другую.

– Он... Это была автомобильная авария?

Последовала короткая пауза.

– Нет, сэр, – ответил офицер.

У Джеймса сжалось сердце.

– Спасибо, – сказал он, хотя не понимал, зачем благодарит

кого-то, принесшего эту ужасную весть.

Едва он повесил трубку, как в голове завертелись тысячи вопросов. Куда ранен Кристофер? Тяжелое или легкое ранение? Эмили по-прежнему с ним? Что произошло? Джеймс натянул на себя одежду, которую уже успел бросить в корзину с грязным бельем, и быстро спустился вниз. Он знал, что дорога до больницы занимает семнадцать минут. Он уже мчался по Вуд-Холлоу-роуд, когда позвонил по автомобильному телефону Гас.

– Что они сказали? – в десятый раз спросила Мелани. – Что именно они сказали?

Майкл застегнул молнию на джинсах и засунул ноги в теннисные туфли. Слишком поздно вспомнил, что не надел носки. К черту носки!

– Майкл!

Он поднял глаза:

– Что Эм ранена и что ее отвезли в больницу.

У него дрожали руки, но он с удивлением обнаружил, что способен выполнять необходимые действия: подтолкнуть Мел к двери, найти ключи от машины, продумать кратчайший маршрут до Мемориальной больницы Бейнбриджа.

Иногда он умозрительно представлял себе, что произойдет, если среди ночи раздастся телефонный звонок – звонок, лишаящий дара речи и вызывающий шок. В глубине души он думал, что психанет. И все же сейчас он осторожно вы-

езжает с подъездной аллеи, и единственное, что выдает его панику, – это едва заметный тик щеки.

– Там оперирует Джеймс, – послышался тихий неясный голос Мелани. – Он подскажет, с кем связаться и что делать.

– Милая, пока нам ничего не известно, – нащупав ее руку в темноте, сказал Майкл.

Но, проезжая мимо дома Хартов, Майкл заметил абсолютную тишину места, мирные темные окна и не мог не испытать укола зависти к этому покою. «Почему мы?» – подумал он, не успев разглядеть в конце Вуд-Холлоу-роуд стоп-сигналы автомобиля, уже поворачивающего к городу.

Гас лежала на тротуаре между тройцей тинейджеров с торчащими в разные стороны зелеными волосами и парочкой, готовой заняться сексом, насколько это вообще возможно в общественном месте. «Если Крис сотворит такое со своими волосами, – подумала она, – мы его...» А что они сделают? Проблемы в этом никогда не было, потому что, насколько помнила Гас, у Криса волосы были всегда пострижены коротко. А что до Ромео с Джульеттой справа от нее, так для подобного большого ума не надо. Как только это приобрело смысл, Эмили и Крис начали встречаться, что с энтузиазмом приветствовалось обеими сторонами.

Через четыре с половиной часа сыновья ее клиента получают лучшие места на концерт *Metallica*. Она поедет домой и отоспится. К этому времени Джеймс должен вернуться с

охоты (она предполагала, кто-то из зверья сейчас в периоде брачных игр), Кейт будет готовиться к футбольному матчу, а Крис, наверное, только что вылезет из постели. Потом Гас сделает то, что обычно делает каждую субботу, если нет особых планов или набега родственников: пойдет к Мелани или пригласит Мелани к себе, и они посудачат о работе, и о тинейджерах, и о мужьях. У нее было несколько хороших подруг, но Мелани единственная, к приходу которой не надо делать уборку, не надо наносить косметику и которой можно сказать все что угодно, не боясь быть неправильно понятой или показаться совсем глупой.

– Леди, сигарета есть? – спросил один из парней с зелеными волосами.

Все произошло так быстро, что в первый момент Гас оторопела от наглости вопроса. «Нет, – хотелось ей сказать, – у меня нет, и тебе не надо». Потом она осознала, что он размахивает у нее перед носом сигаретой, – по крайней мере, она надеялась, что это обычная сигарета.

– Извини, – покачав головой, ответила она.

Невозможно было поверить, что на свете есть подростки, подобные этому парню, особенно если сравнивать его с Крисом – существом, казалось, совершенно иной породы. Наверное, эти дети, с их волосами как шипы стегозавра и кожаными жилетами, выглядят так лишь в отрыве от семьи, а при общении с родителями превращаются в отмытых, воспитанных подростков. «Нелепо», – сказала она себе. Она не

допускала даже мысли о том, что у Криса есть альтер эго. Невозможно дать жизнь человеку и не почувствовать, что с ним происходит что-то драматическое.

Гас ощутила какое-то гудение около бедра и отодвинулась, решив, что любовная парочка оказалась к ней слишком близко. Но гудение не прекратилось, и, опустив руку, она нащупала пейджер, который постоянно носила в сумке с тех пор, как начала работать в проекте «Время других людей». На этом настоял Джеймс. Что, если ему придется вернуться в больницу, а одному из их детей что-то понадобится?

Разумеется, для успешного функционирования превентивной медицины наличие пейджера позволяло избежать чрезвычайных ситуаций. За пять лет пейджер понадобился лишь дважды: один раз позвонила Кейт, чтобы спросить, где Гас держит чистящие средства для ковров, и в другой раз – когда сели батарейки. Гас выудила пейджер из сумки и нажала кнопку, чтобы определить звонящего. Ее автомобильный телефон. Но кто может быть в ее машине в это время ночи?

Когда они возвращались из ресторана, за рулем был Джеймс. Гас выползла из спального мешка и, перейдя улицу, подошла к ближайшей телефонной будке, разрисованной граффити с изображением чьих-то инициалов в виде сосисок. Едва Джеймс взял трубку, как она услышала шуршание шин по асфальту.

– Гас, тебе надо прийти, – произнес Джеймс прерывающимся голосом.

И минуту спустя она побежала, оставив на тротуаре спальный мешок.

В глаза ему бил ослепительный свет. Над ним висели яркие лампы, как огромные серебряные блюда, заставлявшие его жмуриться. Он чувствовал, как к нему прикасаются по крайней мере три человека – трогают его, выкрикивают распоряжения, разрезают одежду. Ему было не пошевелить ни рукой, ни ногой; когда же он пытался это сделать, то чувствовал, что стянут ремнями, а голову подпирает воротник.

– Кровяное давление падает, – сказала женщина. – Всего семьдесят.

– Зрачки расширены, но не реагируют. Кристофер? Кристофер? Ты меня слышишь?

– У него тахикардия. Поставьте две большие капельницы номер четырнадцать или шестнадцать, физраствор прокапать быстро, пожалуйста. И мне нужно несколько анализов крови... Сделайте общий анализ с подсчетом лейкоцитарной формулы, тромбоциты, свертываемость, анализ на токсины. Отошлите результаты анализов в банк крови.

Потом он почувствовал колющую боль на сгибе руки и услышал резкий звук рвущейся клейкой ленты.

– Что мы имеем? – спросил новый голос.

– Одному Богу известно, – ответил женщина.

Острая боль в области лба заставила Криса выгнуться в ремнях, а затем опуститься в мягкие теплые руки медсестры.

– Все в порядке, Крис, – успокаивала она.

Откуда они знают его имя?

– Вероятно, поврежден череп. Позвоните в лучевую диагностику, нам нужен снимок шейного отдела.

Послышался какой-то шум, крики. Крис скосил глаза на щель в занавеске и увидел отца. Это больница, его отец работает в больнице. Но он не в белом халате. На нем уличная одежда, рубашка даже толком не застегнута. Он стоял с родителями Эмили, и они пытались протолкнуться через группу медсестер, которые их не пускали.

Крис резко дернулся, сумев даже вырвать из руки иглу капельницы. Он посмотрел прямо на Майкла Голда и пронзительно закричал, но крика слышно не было, только волна за волной на него накатывался страх.

– Мне плевать на процедуру! – заявил Джеймс Харт, после чего послышался звон инструментов и шарканье шагов, что отвлекло внимание медсестер и позволило ему прорваться за заляпанную занавеску.

Его сын пытался освободиться от ремней и шейного воротника. Повсюду была кровь: на его лице, рубашке и шее.

– Я доктор Харт, – сказал он врачу скорой помощи, устремившемуся к ним. – Вежливый персонал, – добавил он и крепко схватил Криса за руку. – Что происходит?

– Его вместе с девушкой привезли на «скорой», – тихо пояснил врач. – На первый взгляд видна рваная рана черепа.

Мы собирались отправить его на лучевую диагностику, чтобы проверить, есть ли перелом черепа и шейных позвонков. Если этого нет, отправим его на компьютерную томографию.

Джеймс почувствовал, как Крис крепко сжал его руку, так что обручальное кольцо врезалось в кожу. «Наверняка, – подумал он, – с сыном все в порядке, раз уж у него сохранились силы».

– Эмили, – хрипло прошептал Крис. – Куда они дели Эм?
– Джеймс? – спросил неуверенный голос.

Повернувшись, он увидел Мелани и Майкла, которые выглядывали из-за ширмы – без сомнения, в ужасе от вида всей этой крови. Одному Богу известно, как им удалось пройти мимо драконов, определяющих очередность оказания медицинской помощи.

– Крис в порядке?

– Нормально, – ответил Джеймс скорее себе, чем кому-либо другому в помещении. – С ним все будет нормально.

Врач сняла телефонную трубку.

– В отделении лучевой диагностики ждут, – сказала она.

Врач скорой помощи кивнул Джеймсу:

– Можете пойти с ним. Успокойте его.

Джеймс пошел рядом с каталкой, не выпуская руки сына. Джеймсу пришлось почти бежать, когда санитары ускорились. Пробегая мимо Голдов, он не забыл спросить:

– Как Эмили? – но тут же исчез, и они не успели ответить.

К Голдам подошел врач, который только что занимался

Крисом.

– Вы мистер и миссис Голд? – спросил он.

Они одновременно сделали шаг вперед.

– Мы можем отойти с вами в сторону?

Врач отвел их в небольшую нишу за кофейными автоматами, где стояли обшарпанные голубые диванчики и безобразные журнальные столики с пластиковым верхом. Мелани сразу же расслабилась. Она была настоящим знатоком в толковании вербальных и невербальных подсказок. Если их не отвели незамедлительно в смотровой кабинет, значит опасность миновала. Может быть, Эмили уже в лечебном отделении или в отделении рентгеноскопии, как и Крис. Может быть, сейчас ее приведут к ним.

– Прошу вас, садитесь, – сказал врач.

Мелани совсем не хотела садиться, но у нее вдруг подогнулись колени. Майкл, оцепенев, остался стоять.

– Мне очень жаль, – произнес врач единственные слова, которые Мелани могла истолковать только так, а не иначе.

Она вся съежилась, уронив голову и зажав ее между трясущимися руками, даже не слыша слова этого человека.

– Вашу дочь привезли сюда мертвой. У нее в голове огнестрельная рана. Это произошло мгновенно, она не страдала. – Он помолчал. – Мне нужен один из вас для опознания тела.

Майкл пытался заставить себя моргнуть. Прежде это все-

гда происходило произвольно, но сейчас все — дыхание, стояние, существование — находилось под жестким самоконтролем.

— Я не понимаю, — произнес он чужим, высоким голосом. — Она была с Крисом Хартом.

— Да, — согласился врач. — Их привезли вместе.

— Не понимаю, — повторил Майкл, хотя на самом деле хотел спросить: «Как может она быть мертвой, если он жив?»

— Кто это сделал? — с трудом выдавила из себя Мелани, сомкнув зубы над вопросом, как над косточкой, которую не хотела выпускать. — Кто ее застрелил?

— Не знаю, миссис Голд, — покачал головой врач. — Не сомневаюсь, скоро сюда приедет полиция, бывшая на месте происшествия, и поговорит с вами.

Полиция?

— Вы готовы идти?

Майкл уставился на врача, удивляясь, почему, черт побери, этот человек считает, что ему пора уходить?! Потом он вспомнил. Эмили. Ее тело.

Он последовал за врачом обратно в отделение скорой помощи. Было это его воображение или медсестры действительно смотрели на него по-другому? Он шел мимо отсеков со стонущими, израненными живыми людьми и наконец остановился перед ширмой, за которой не слышно было никакого шума, никакой суеты. Врач подождал, пока Майкл не наклонит голову, и отодвинул ширму.

Эмили лежала на столе лицом вверх. Майкл сделал шаг вперед и положил руку ей на голову. Лоб был гладкий, еще теплый. Врач ошибается, вот в чем дело. Она не умерла, она не могла умереть, она... Он пошевелил рукой, и ее голова качнулась в его сторону, позволив ему увидеть над ее правым ухом дыру размером с серебряный доллар, с рваными краями и засохшей кровью. Но свежая кровь уже не сочилась.

– Мистер Голд? – обратился к нему врач.

Кивнув, Майкл выбежал из смотрового кабинета. Он пробежал мимо мужчины на носилках, раза в четыре старше Эмили, прижимающего руку к сердцу. Он пробежал мимо женщины-врача с чашкой кофе в руке. Он пробежал мимо Гас Харт, которая, задыхаясь, протягивала к нему руку. Прибавив шаг, он завернул за угол и упал на колени, и там его вырвало.

Гас бежала всю дорогу до Мемориальной больницы Бейнбриджа, лелея в груди надежду. Но в приемном покое отделения скорой помощи Джеймса не было, и все ее упования на легкое повреждение – сломанную руку или несильный ушиб – улетучились, когда в зоне сортировки больных она наткнулась на Майкла.

– Посмотрите еще раз, – потребовала она у медсестры. – Кристофер Харт. Он сын доктора Джеймса Харта.

– Недавно он был здесь, – кивнула медсестра. – Просто не знаю, куда его увезли. – Она сочувственно взглянула на

Гас. – Сейчас спрошу, не знает ли кто-то о нем.

– Да, пожалуйста, – властным тоном произнесла Гас, поклонив сразу, как медсестра удалилась.

Гас окинула беглым взглядом приемный покой, начиная с кресел-каталок, выстроившихся вдоль стены, до телевизора, подвешенного к потолку. В углу Гас заметила что-то красное. Она подошла ближе и узнала ярко-красное пальто, которое они с Мелани купили со скидкой восемьдесят процентов в «Файлинсе».

– Мел? – прошептала Гас; Мелани подняла голову, ее лицо было искажено от горя, как и лицо Майкла. – Эмили тоже ранена?

Мелани молча смотрела на нее.

– Нет, – неуверенно произнесла она. – Эмили не ранена.

– О-о, слава богу...

– Эм, – перебила ее Мелани, – умерла.

– Почему так долго? – в третий раз спросила Гас, вышагивая перед крошечным окном палаты, которую отвели для Кристофера. – Раз с ним действительно все в порядке, то почему его еще не привезли назад?

Джеймс сидел в единственном кресле, зажав голову в руках. Он сам изучил снимки КТ Криса и никогда так сильно не опасался найти признаки внутричерепной травмы или эпидурального кровоизлияния. Однако мозг Криса не был поврежден, его раны оказались поверхностными. Его отправи-

ли обратно в отделение скорой помощи, чтобы хирург наложил швы, ночью за ним понаблюдают, а на следующий день проведут дополнительные обследования.

– Он рассказал тебе что-нибудь? О том, что произошло?

Джеймс покачал головой:

– Он напуган, Гас. Страдает. Я не собирался давить на него. – Джеймс встал и прислонился к дверному косяку. – Он спросил, куда они отвезли Эмили.

Гас медленно повернулась.

– Ты не сказал ему, – догадалась она.

– Нет. – Джеймс с трудом сглотнул. – В то время я даже не подумал об этом. О том, что они были вместе, когда это произошло.

Гас пересекла комнату и обняла Джеймса. Даже сейчас он напрягся – не привык обниматься в публичных местах, и столкновение со смертью не изменило его правил.

– Не хочу об этом думать, – прижимаясь щекой к его спине, пробормотала она. – Я видела Мелани и все время воображаю себе, что легко могла оказаться на ее месте.

Джеймс оттолкнул жену и направился к радиатору отопления, от которого шло тепло.

– О чем они только думали, поехав на машине в неблагополучный район?

– Какой район? – ухватившись за новую подробность, спросила Гас. – Откуда приехала «скорая»?

Джеймс повернулся к ней:

– Не знаю. Я просто предположил.

И вдруг она вообразила себя женщиной, выполняющей миссию.

– Пока мы ждем, я могу вернуться в приемное отделение, – сказала Гас. – У них должна быть такого рода информация.

Она решительно направилась к двери, собираясь открыть ее, но дверь открыли снаружи. Санитар вкатил каталку с Крисом, голова которого была плотно перебинтована.

Гас приросла к полу, не в силах поверить, что этот поникший мальчик – ее сильный сын, еще утром возвышавшийся над ней. Медсестра что-то объясняла, но Гас пропустила это мимо ушей, а потом медсестра с санитаром вышли из палаты.

На фоне своего учащенного дыхания Гас слышала кап-кап-кап капельницы Криса. Его не сфокусированные от страха глаза остекленели от успокоительных препаратов. Сев на край кровати, Гас бережно прижала его к груди.

– Ш-ш-ш, – прошептала она, когда он заплакал, уткнувшись ей в свитер. Скупые поначалу слезы перешли в громкие безудержные рыдания. – Все хорошо.

Через несколько минут всхлипывания Криса затихли, и он закрыл глаза. Гас старалась не выпускать сына из объятий, хотя его большое тело обмякло. Она взглянула на Джеймса, который застыл на стуле около больничной кровати наподобие стойкого часового. Джеймсу хотелось плакать, но не по-

лучалось. В последний раз он плакал, когда ему было семь.

Гас тоже не хотелось плакать в присутствии мужа. И дело не в том, что он порицал ее за это, но тот факт, что сейчас Джеймс внешне был не так расстроен, как она,ставлял ее в глупом виде. Прикусив губу, Гас вышла из палаты, стремясь остаться со своим горем наедине. В коридоре она прижалась ладонями к прохладной стене из шлакоблока, пытаясь вспомнить о вчерашнем дне, когда ездила в бакалейный магазин, мыла ванную на первом этаже и кричала на Криса за то, что тот оставил на весь день молоко на столе и оно испортилось. Вчера, когда все имело смысл.

– Прошу прощения.

Повернув голову, Гас увидела высокую темноволосую женщину.

– Я детектив-сержант Марроне из полиции Бейнбриджа. Вы, должно быть, миссис Харт?

Гас кивнула и пожала руку детектива:

– Это вы обнаружили их?

– Нет, не я. Но меня вызвали на место происшествия. Мне надо задать вам несколько вопросов.

– О-о! – удивилась Гас. – Я думала, вы сможете ответить на мои.

Детектив Марроне улыбнулась, и Гас поразились, какой красивой сделала женщину улыбка.

– Услуга за услугу, – сказала она.

– Вряд ли я смогу вам сильно помочь. А что вы хотели

узнать? – спросила Гас.

Детектив достала блокнот и ручку:

– Ваш сын сказал вам, что уходит вечером?

– Да.

– Он сказал, куда идет?

– Нет, но ему семнадцать, и он всегда был таким ответственным. – Гас бросила взгляд на дверь палаты. – До этой ночи, – добавила она.

– Угу. Вы знали Эмили Голд, миссис Харт?

Глаза Гас немедленно наполнились слезами. Она в смущении смахнула слезы тыльной стороной ладони.

– Да, – ответила она. – Эм... была для меня как дочь.

– А кем она была для вашего сына?

– Его девушкой.

Гас смутилась еще больше. Была ли Эмили замешана в чем-то незаконном или опасном? Не поэтому ли Крис ехал через опасный район?

Она осознала, что говорит вслух, только когда детектив Марроне нахмурила брови:

– Опасный район?

– Ну... – покраснев, произнесла Гас. – Мы знаем, что там было оружие.

Детектив захлопнула блокнот и направилась к двери:

– А сейчас я хотела бы поговорить с Крисом.

– Это невозможно, – настаивала Гас, загораживая женщине дорогу. – Он спит. Ему нужен отдых. К тому же он пока

даже не знает об Эмили. Мы не смогли сказать ему, не сейчас. Он любил ее.

Детектив Марроне пристально посмотрела на Гас:
– Может быть. Но при этом он мог застрелить ее.

Тогда

Осень 1979 года

По тому, как Мелани держала на ладони маленькую буханку бананового хлеба, ее муж не мог понять, съест она его или выбросит. Закрыв входную дверь, сияющую новой краской, Мелани положила буханку на две составленные вместе картонные коробки, временно заменяющие кухонный стол, благоговейно прикоснулась к армированной ленточке и вынула карточку, на которой была от руки нарисована лошадь.

– «Добро пожаловать в нашу округу. И-го-го!» Репутация ветеринара опередила тебя, – сказала она, вручая карточку Майклу.

Майкл прочел краткое послание, улыбнулся и разорвал целлофановый пакет.

– Это вкусно, – сказал он. – Попробуешь?

Мелани побледнела. Последнее время даже мысль о банановом хлебе – да и вообще о любой еде – до полудня вызывала у нее тошноту. Это было странно, потому что в любой книге на тему беременности – а прочла она их немало – говорилось, что к этому времени, к ее четвертому месяцу, она должна чувствовать себя лучше.

– Я позвоню и поблагодарю их. – Она взяла карточку. – О боже! – Она глянула на Майкла. – Гас и Джеймс. И они

прислали выпечку. Думаешь, они... ну, ты понимаешь?

– Геи?

– Я бы сказала – придерживаются альтернативного стиля жизни.

– Но ты так не сказала, – с улыбкой заметил Майкл.

Подняв с пола коробку, он стал подниматься по лестнице.

– Что ж, – дипломатично заявила Мелани, – какова бы ни была их... ориентация, я уверена, они очень симпатичные.

Но, набирая их номер, она опять спрашивала себя, что это за городок, в который они переехали.

Она не хотела переезжать в Бейнбридж. Она была вполне счастлива в Бостоне, хотя и он был очень далеко от ее родного Огайо. Но этот городок был вообще у черта на куличках, и ей не очень удавалось завязывать новые знакомства. Неужели Майкл не мог найти подальше на юге крупных животных, которыми можно заниматься?

После третьего сигнала ответила женщина.

– Вокзал Гранд-Сентрал, – произнес голос.

Мелани бросила трубку и набрала номер более аккуратно – голос был тот же, но улыбающийся, он четко произнес:

– Харты.

– Алло, – сказала Мелани. – Я ваша соседка Мелани Голд. Хотела поблагодарить Хартов за выпечку.

– О-о, отлично. Получили? Вы уже переехали?

Наступила пауза, пока Мелани раздумывала, кто эта женщина и какой протокол принят в этой округе. Надо ли рас-

сказывать всю свою жизнь экономке или няне?

– Джеймс или Гас дома? – тихо спросила Мелани. – Я...
гм... хотела бы представиться.

– Я Гас, – ответила женщина.

– Но вы же не мужчина, – выдавила из себя Мелани.

Гас Харт рассмеялась:

– Вы хотите сказать, что подумали... Вау! Нет, жаль вас разочаровывать, но в последний раз, когда проверяла, я была женщиной. Гас – это сокращенно от Огаста. Но никто не называет меня полным именем после смерти моей бабушки, которая пыталась это сделать. Слушайте, вам нужна помощь по хозяйству? Джеймса нет дома, а я только что отдраила гостиную, и мне нечего больше делать. – Мелани не успела ничего возразить, и Гас приняла решение за нее. – Оставьте дверь открытой. Буду у вас через несколько минут.

Мелани продолжала таращиться на трубку, когда на кухню вернулся Майкл с большой картонной коробкой фарфора.

– Ты говорила с Гасом Хартом? – пробормотал он. – Какой он?

Мелани как раз открыла рот, чтобы ответить, когда запахнулась входная дверь, подхваченная порывом ветра, и они увидели сильно беременную женщину с копной разметавшихся волос и неожиданно милой улыбкой святой.

– Она, – ответила Мелани, – как ураган.

По своей новой должности Мелани была штатным библиотекарем в публичной библиотеке Бейнбриджа.

С того дня, когда она пришла на собеседование, Мелани влюбилась в небольшое кирпичное здание. Она была очарована витражной панелью позади справочного стола, аккуратными желтыми стопками макулатуры, сложенными наверху картотеки, стертыми каменными ступенями, от многих десятилетий службы утратившими углы и как будто улыбающимися. Это была замечательная библиотека, и она нуждалась в Мелани. Книги в беспорядке толпились на стеллажах, стояли очень плотно, лишенные воздуха и места для просмотра. Корешки некоторых книг растрескались, картотечные устройства вертикального хранения замусорились. По мнению Мелани, библиотекари в чем-то стоят наравне с Богом. Кого еще могут волновать и кто еще способен ответить на такое количество разных вопросов? Знание – сила, но хороший библиотекарь не держит в себе этот дар. Он учит других искать, смотреть и видеть.

Мелани влюбилась в Майкла, потому что он привел ее в замешательство. Майкл, будучи студентом ветеринарного колледжа Тафтса, подошел однажды к ее справочному столу с двумя вопросами: где ему найти исследование повреждений печени у кошек, больных диабетом, и не хочет ли она поужинать с ним? На первый вопрос она могла ответить с закрытыми глазами, а от второго лишилась дара речи. Его аккуратно постриженные короткие волосы, посеребрен-

ные ранней сединой, наводили на мысль о сокровищах. Его нежные руки, умеющие напоить только что вылупившегося птенца из пипетки, помогли ей совершенно по-новому воспринимать собственное тело.

Даже после свадьбы и в течение первых нескольких лет его практики с мелкими животными Мелани продолжала работать в колледже. Она с успехом осваивала библиотечную систему, подумав, что, если, проснувшись однажды утром, Майкл решит, что ему незачем любить этого робкого воробушка, его все же может поразить ее интеллект. Однако Майкл параллельно стал переучиваться на уход за коровами и овцами, выращивание лошадей, и после нескольких лет, посвященных кастрированию щенков и прививкам от бешенства, он сказал Мелани, что ему нужна перемена. Проблема состояла в том, что в большом городе трудно было найти фермерских животных.

С ее резюме Мелани было несложно получить должность в публичной библиотеке Бейнбриджа. Однако Мелани привыкла к энергичным молодым мужчинам и женщинам, к ученым, склонившимся над своими трудами. Подчас этих людей приходилось буквально выгонять перед закрытием. В библиотеке Бейнбриджа главной приманкой был час чтения для детей, потому что матерям предлагали бесплатный кофе. Случалось, что Мелани по целым дням просиживала за справочным столом, встречая лишь почтальона.

Она тосковала по читателю, истинному читателю, каким

была сама. И нашла его в образе невероятной Гас Харт.

Гас неизменно приходила в библиотеку по вторникам и пятницам. Пройдет, бывало, слегка покачиваясь, через узкий арочный проем и вывалит на стол книги, взятые несколько дней назад. Мелани осторожно откроет их, сверит вынутые карточки и положит на тележку, чтобы потом расставить на стеллажах.

Гас Харт читала Достоевского, и Кундеру, и Поупа. Она читала Джорджа Элиота, и Теккерея, и мировую историю. Иногда буквально за несколько дней. Это удивляло Мелани. И ужасало ее. Будучи библиотекарем, она привыкла быть экспертом в своей области, но ей приходилось много работать. Для Гас Харт поглощение знаний, как и всего прочего, давалось как будто слишком легко.

– Должна сказать тебе, – обратилась она к Гас в один из вторников, – по-моему, ты единственный человек в городе, который ценит классическую литературу.

– Это правда, – согласилась Гас. – Так и есть.

– Тебе понравилась «Смерть Артура»?

– Я не нашла то, чего искала, – покачала головой Гас.

И что она искала? – подумала Мелани. Освобождение? Развлечение? Повод поплакать?

Словно Мелани говорила вслух, Гас робко подняла глаза: – Имя.

На миг Мелани испытала облегчение. Был ли это вызов от человека вроде Гас, глотающей замысловатые историче-

ские романы, словно низкопробное чтение? Выяснить, что она только бегло просматривает книги в поисках классического веского имени для своего ребенка... Это должно было бы расстроить Мелани, но не расстроило.

– А как ты собираешься назвать своего ребенка? – спросила Гас.

Мелани вздрогнула. Никто не знал о ее беременности, ничего еще не было заметно. К тому же Мелани была довольно суеверной и поэтому стремилась как можно дольше сохранить это в тайне.

– Не знаю, – медленно произнесла она.

– Ну, значит, – бодро заявила Гас, – мы с тобой в одной лодке.

В средней школе Мелани, которая уделяла большое внимание учебе и у которой времени на дружбу почти не оставалось, неожиданно обзавелась подругой-семиклассницей. Каким-то образом энергичность Гас не затмевала сдержанность Мелани, и они дополняли друг друга. Это было похоже на смесь масла и уксуса: сами по себе они нежелательны в салате, но так хорошо сочетаются друг с другом, что воспринимаются как единое целое.

Гас первой звонила ей по утрам.

– Как там на улице? – спрашивала она, хотя из окна видела все ту же погоду. – Что мне надеть?

Мелани оказывалась рядом с Гас на большом кожаном ди-

ване, где они рассматривали свадебный альбом Гас, смеясь над шлемообразными прическами ее родственниц. Иногда Мелани ссорилась с Майклом и тогда звонила Гас, которая говорила ей, что та безусловно права. Гас, не смущаясь, приходила в дом Голдов без звонка. Мелани заказывала по межбиблиотечному абонементу брошюры с детскими именами и оставляла их в почтовом ящике Гас. Мелани начала носить после Гас одежду для беременных, Гас купила любимый сорт кофе без кофеина для Мелани, чтобы всегда был под рукой. Со временем они стали понимать друг друга с полуслова.

– Итак, – сказал Майкл, беря из рук Джеймса Харта джинс с тоником, который тот смешал для него, – ты хирург.

Джеймс устроился в кресле-качалке напротив Майкла. Он слышал доносившиеся из кухни высокие и мелодичные, как у дрозда, голоса Гас и Мелани.

– Да, это так, – ответил Джеймс. – Я заканчиваю стажировку в Мемориальной больнице Бейнбриджа. Офтальмологическая хирургия. – Он отпил из своего стакана. – Гас говорит, ты взял практику Ховарта?

– Он был одним из моих преподавателей в Тафтсе, – кивнул Майкл. – Когда он написал о том, что уходит на пенсию, я подумал, что может освободиться должность ветеринара. – Он рассмеялся. – В двадцати милях от Бостона я не мог найти коров голштинской породы, а только сегодня увидел их шесть штук.

Мужчины немного смущенно улыбнулись и уставились в свои стаканы.

Майкл посмотрел в ту сторону, откуда раздавались женские голоса.

— Они подружились, — сказал он. — Гас так часто у нас бывает, что иногда мне кажется, что она к нам переехала.

Джеймс рассмеялся:

— Гас нужен был кто-то вроде Мелани. У меня такое ощущение, что, жалуясь твоей жене на растяжки и опухшие лодыжки, она получает от нее больше сочувствия, чем от меня.

Майкл ничего не ответил. Возможно, Джеймс неоднозначно относился к беременности, а вот Майклу были интересны любые подробности. Он брал книги из библиотеки Мелани, изучая, как бластула преобразуется в крошечное человеческое существо. Он записал жену на занятия по подготовке к естественным родам. И пусть Мелани стыдилась своего располневшего тела, он считал его прелестным. Всякий раз, как она проходила мимо, ему хотелось дотронуться до жены, но Майкл сдерживал себя. Мелани раздевалась в темноте, натягивала одеяло до подбородка и отбивалась от его объятий. Время от времени Майкл наблюдал, как по его дому ходит Гас, громоздкая на своем сроке, на пять месяцев опережающем срок Мелани, но уверенная в себе и живая, вся светящаяся изнутри, и думал: «Вот такой должна быть Мелани».

Майкл бросил взгляд в сторону кухни, мельком увидев

выпирающий вперед живот Гас.

– На самом деле мне даже нравится вся история с беременностью, – медленно произнес он.

– Уж поверь мне! – фыркнул Джеймс. – У нас был курс акушерства. Малоприятное дело.

– Знаю, – отозвался Майкл.

– Гм... Но вытаскивать телят – это что-то другое, – настаивал Джеймс. – Корова не вопит, что собирается убить своего мужа за то, что сотворил с ней такое. Плацента коровы не выстреливает, как серебряная пуля, через все родильное отделение.

– А-а, вы опять о работе. – Неожиданно появившаяся Гас положила руку на плечо Джеймса. – Мой муж-врач страшно боится деторождения, – шутливо сообщила она Майклу. – Ты не хотел бы принимать у меня роды?

– Конечно, – улыбнулся Майкл, – но я привык работать в коровнике.

Гас взяла у Мелани поднос с сыром и поставила его на кофейный столик.

– Я могу приспособиться, – сказала она.

Майкл смотрел, как Гас уселась на подлокотник кресла, в котором сидел ее муж. Джеймс даже не попытался прикоснуться к ней. Майкл потянулся к подносу с сыром.

– Это паштет? – спросил он.

– Домашний, – объяснила Гас. – Джеймс охотится на уток.

– Правда? – удивился Майкл.

Взяв крекер, он намазал на него паштет.

– И на оленей, и на медведей, и однажды даже на милых маленьких кроликов, – вмешалась Гас.

– Как видишь, – невозмутимо произнес Джеймс, – Гас не большая фанатка этого спорта. – Он взглянул на Майкла. – Полагаю, ты, как ветеринар, тоже вряд ли. Хотя в этом есть свое очарование: когда возвышаешься над всем миром, вокруг полная тишина, и воображаешь себя на месте добычи.

– Понимаю, – произнес Майкл, хотя и не понимал.

– Джеймс – идиот! – одним снежным днем заявила Гас, когда ей позвонила Мелани. – Он сказал, что если я не перестану разгуливать по Вуд-Холлоу-роуд, то рожу ребенка под телеграфным столбом.

– Я думала, у тебя еще есть время.

– Попробуй сказать ему.

– Примени другую тактику, – предложила Мелани. – Скажи ему, что чем лучше ты подготовишься к рождению ребенка, тем легче будет обрести прежнюю форму.

– Кто сказал, что мне нужна моя прежняя форма? – спросила Гас. – Разве я не могу позаимствовать чью-нибудь еще? Фарры Фосетт... Кристи Бринкли? – Она вздохнула. – Ты не знаешь, как тебе повезло.

– Потому что я только на пятом месяце беременности?

– Потому что ты замужем за Майклом.

Мелани не сразу ответила. Ей нравился Джеймс Харт –

с его невозмутимым видом жителя Новой Англии, непри-
нужденным шармом, оттенком бостонского акцента в ре-
чи. Многие особенности, которыми обладала Мелани, были
также присущи Джеймсу, но с позитивным уклоном. Мела-
ни была сдержанной, Джеймс – уравновешенным. Она бы-
ла робкой, он – склонным к самоанализу; она была увлекаю-
щейся, он – требовательным.

К тому же он оказался прав. Через три дня у Гас отошли
воды в полумиле от дома, на Вуд-Холлоу-роуд, и, если бы
проходящий автомобиль телефонной компании не остано-
вился с предложением помощи, она вполне могла бы родить
Кристофера на обочине дороги.

Ей приснился сон. Мелани видела спину Майкла, опу-
стившегося на корточки в конюшне. Его серебристые волосы
сверкали в свете раннего утра, руки двигались над вздыма-
ющимся животом жеребящейся кобылы. Сама Мелани сто-
яла где-то наверху – наверное, на сеновале, – чувствуя, как
по ее ногам стекает вода, словно она обмочилась, и зовя на
помощь, хотя изо рта у нее не вылетало ни звука.

Так она узнала, что родит своего ребенка одна.

– Я буду звонить тебе каждый час, – уверял Майкл.

Но Мелани знала, как он работал. Стоило ему заняться
коликами у лошади или маститом у овцы – и он переставал
замечать время, а большинство дорог, по которым он ездил
в качестве ветеринара, были лишены роскоши телефонных

будок.

Ее срок подошел в конце апреля. Однажды поздно вечером Мелани услышала, как Майкл отвечает на телефонный звонок, лежа в кровати. Он прошептал что-то, чего она не уловила, и исчез в темноте.

Ей опять приснилась конюшня, и она проснулась, обнаружив, что матрас намок.

От боли она согнулась пополам. Должно быть, Майкл оставил где-то записку с номером телефона. Мелани прошла через спальню и ванную, периодически останавливаясь и пережидая схватку, но не смогла найти эту записку. Она сняла трубку и позвонила Гас.

– Сейчас, – проронила она, и Гас все поняла.

В это время Джеймс оперировал в больнице, и Гас пришлось взять с собой Криса, которого она усадила в автомобильное сиденье.

– Мы найдем Майкла, – уверила она Мелани, положила руку подруги на рычаг переключения, велел сжимать его, когда станет больно. Она припарковала машину у отделения скорой помощи. – Побудь здесь, – сказала она, схватив Криса и бросаясь к раздвижным дверям. – Вы должны мне помочь! – крикнула она дежурной медсестре. – Женщина рождает.

Медсестра заморгала глазами, глядя на Криса.

– Похоже, вы опоздали, – сказала она.

– Это не я, – пояснила Гас. – Моя подруга. Она в машине.

Через несколько минут Мелани уже была в родильном отделении и, одетая в свежую больничную сорочку, корчилась от боли. Акушерка повернулась к Гас:

– Полагаю, вы не знаете, где отец?

– Сейчас приедет, – ответила Гас, хотя это было неправдой. – Я побуду вместо него.

Акушерка взглянула на Мелани, которая взяла Гас за руку, и на Криса, спящего в переносной колыбели:

– Отнесу его в детскую. Младенцам нельзя находиться в родильном отделении.

– А я думала, здесь им самое место, – пробубнила Гас, и Мелани захихикала.

– Ты не говорила мне, что это больно, – пожаловалась Мелани.

– Конечно говорила.

– Но ты не говорила, – уточнила она, – что *так* больно.

Врач была та же, что принимала роды у Гас.

– Дайте угадаю, – обратилась она к Гас, просовывая руку под сорочку Мелани, чтобы обследовать шейку матки. – Вам так понравилось в первый раз, что вы не смогли остаться в стороне. – Она помогла Мелани приподняться. – Хорошо, Мелани. Я хочу, чтобы вы потужились.

Лучшая подруга обнимала ее за плечи, и вскоре Мелани, пронзительно крича, родила девочку.

– О господи! – воскликнула Мелани, и ее глаза увлажнились. – О-о, взгляните на это.

– Я знаю, – сдавленным голосом произнесла Гас. – Я вижу. И она ушла за собственным ребенком.

Акушерка как раз положила лед между ног Мелани и закрыла ее до пояса одеялом, когда в палату вернулась Гас с Крисом на руках.

– Посмотри, кого я встретила, – сказала она, придержав дверь, чтобы Майкл мог войти.

– Я же говорила тебе, – проворчала Мелани, но сразу повернула ребенка лицом к Майклу.

Майкл прикоснулся к тоненьким светлым бровям дочери. Его ноготь был больше ее носа.

– Она бесподобна. Она... – Покачав головой, он поднял глаза. – Не знаю даже, что сказать.

– Ты мой должник, – заявила Гас.

– Согласен, – ответил Майкл, сияя улыбкой. – Проси что угодно, за исключением моей новорожденной.

Дверь палаты вновь распахнулась, и появился Джеймс в медицинской одежде с бутылкой шампанского в поднятой руке.

– Привет! – Он пожал руку Майкла. – Ходят слухи, что у вас выдалось то еще утро. – Он улыбнулся Гас. – И я слышал, ты теперь повивальная бабка. – Он с хлопком открыл «Мо-ёт», извинившись за то, что на одеяло Мелани попали брызги, и налил шампанское в четыре пластиковых стаканчика. – За родителей! – произнес он, поднимая стакан. – За... У нее есть имя?

Майкл посмотрел на жену.

– Эмили, – сказала она.

– За Эмили!

Майкл поднял свой стакан:

– И с некоторым опозданием за Криса.

Мелани взглянула на просвечивающие веки новорожденной и на ее изогнутый бантиком рот и неохотно положила дочку в колыбельку рядом с кроватью. Эмили заняла не больше трети места.

– Не возражаешь? – шепотом спросила Гас, указывая на колыбельку, а затем на Криса, тихо посапывающего у нее на руках.

– Давай-давай.

Мелани смотрела, как Гас кладет сына рядом с Эмили.

– Посмотрите-ка, – сказал Майкл. – Моей дочери час от роду, а она уже спит с каким-то пареньком.

Они все взглянули на колыбельку. Крошечная девочка рефлекторно вздрогнула. Ее длинные пальчики раскрылись, как цветки вьюнка, а потом снова сжались в кулачки. И хотя сама она об этом не знала, когда Эмили Голд снова заснула, то крепко держала за руку Кристофера Харта.

Сейчас

Ноябрь 1997 года

Мало что могло поразить Энн-Мари Марроне.

Можно было предположить, что десять лет службы в столичной полиции Вашингтона, округ Колумбия, могли преподнести ей больше сюрпризов, чем последующие десять лет в сонном городке Бейнбридж, в штате Нью-Гэмпшир, но она ошибалась. В округе Колумбия она никогда лично не знала своих преступников. Почему-то домашнее насилие распространялось сильнее, если оно совершалось руками легендарного, любимого всеми директора начальной школы Бейнбриджа. Наркокартель под управлением мафии волновал меньше, чем поле марихуаны, любовно выращиваемой вместе с базиликом и майораном на участке старой миссис Инглнук. Обнаружение смертельно раненной девушки-подростка, истекающего кровью парня и дымящегося оружия вряд ли было обыденным происшествием в Бейнбридже, но это не означало, что Энн-Мари не могла его предвидеть.

– Мне бы хотелось сейчас поговорить с Крисом, – повторила она.

– Вы ошибаетесь, – скрестив руки на груди, заявила Гас Харт.

– Может быть, ваш сын расскажет мне о том, что произо-

шло.

Она не собиралась открывать матери правду, что, хотя у нее пока не было оснований арестовать Кристофера Харта как подозреваемого в убийстве, дело будет рассматриваться как таковое, пока не доказано обратное.

– Я знаю свои права... – начала Гас.

– Как и я, миссис Харт, – подняв руку, перебила ее Энн-Мари. – И, если пожелаете, я с радостью прочту их вам и вашему сыну. Но сейчас он не находится под подозрением, он просто поможет нам свести воедино все факты. И поскольку он единственный живой свидетель происшедшего, я не понимаю, почему вы возражаете против моего разговора с ним. Если только, – добавила она, – он не успел сказать вам что-то такое, что вы считаете нужным скрыть.

Щеки Гас Харт запылали. Отступив в сторону, она пропустила детектива в палату.

Хотя эта женщина была не в форме и не имела при себе ничего более угрожающего, чем блокнот, от нее веяло такой самоуверенностью, что Джеймс встал и передвинулся ближе к кровати Криса.

– Джеймс, детектив-сержант Марроне хочет поговорить с Крисом, – тихо произнесла Гас в надежде, что ее сын не проснется.

– Что ж, – начал Джеймс, – как врач, могу сказать, что он не в том состоянии...

– При всем уважении, доктор Харт, – возразила детектив, – вы не его лечащий врач. Доктор Колман уже разрешил мой визит.

Сев на край кровати, она положила блокнот себе на колени.

Глядя, как эта женщина сидит на ее месте, Гас ощутила в груди поднимающуюся волну возмущения, напомнившую ей о чувствах, испытанных много лет назад, когда на детской площадке другой ребенок толкнул Криса или когда на родительском собрании учитель их пятого класса сообщил, что Крис далек от совершенства. Когда Гас вставала на тропу войны, чтобы защитить своего ребенка, Джеймс называл ее тигрицей. Но от чего она защищает его на этот раз?

– Крис, – тихо позвала женщина-детектив. – Крис... можно поговорить с тобой?

Заморгав, Крис открыл глаза – туманные глаза, как всегда называла их Гас, такие непостижимо светлые на фоне смуглой кожи и темных волос.

– Я детектив Марроне из полиции Бейнбриджа.

– Детектив, Крис испытал ужасную травму, – сказал Джеймс. – Я не понимаю, почему нельзя с этим повременить.

Крис сжал руками край одеяла и взглянул на детектива:

– Вы знаете, что случилось с Эмили?

Энн-Мари не сразу поняла, хочет мальчик узнать об этом или собирается в чем-то признаться.

– Эмили, так же как и тебя, доставили в больницу. – Она

нажала на кнопку шариковой ручки. – Крис, что вы делали сегодня ночью на карусели?

– Мы поехали... ну, подурачиться. – Он потянул за край одеяла. – Взяли с собой «Канадиан клаб».

У Гас отвисла челюсть. Крис, работающий вместе с ней волонтером в обществе «Матери против вождения в нетрезвом виде», ездит за рулем нетрезвым?

– Это все, что у вас с собой было?

– Нет, – прошептал Крис. – Я взял с собой отцовский револьвер.

– Что?! – воскликнула Гас, делая шаг вперед, и в тот же момент Джеймс что-то возразил.

– Крис, я просто хочу узнать, что произошло этой ночью, – не моргнув глазом, сказала детектив Марроне и пристально посмотрела на парня. – Мне нужно знать твою историю.

– Потому что Эм не может рассказать вам свою, да? – подавшись вперед, спросил Крис. – Она мертва?

Гас не успела подойти к кровати и обнять сына. За нее это сделала детектив Марроне.

– Да, – ответила она, и Крис разразился рыданиями.

Его спина – только то, что было видно Гас из-за объятий женщины-полицейского, – сотрясалась от приступов кашля.

– Вы поссорились? – отпуская Криса, тихо спросила она.

Гас почувствовала тот самый момент, когда до Криса дошло предположение детектива. «Убирайтесь!» – хотелось ей крикнуть в диком порыве защитить сына, но оказалось, она

не в состоянии проронить ни слова. Она поймала себя на том, что, как и Джеймс, ожидает от сына возражений.

Усомнившись на долю секунды, что он станет возражать.

Крис яростно затряс головой, словно сейчас, когда Марроне заронила ему в голову эту мысль, надо было физически избавиться от нее.

– Господи, нет! Я люблю ее. Я люблю Эм. – Он подтянул к себе колени под одеялом и спрятал в них лицо. – Мы собирались сделать это вместе, – пробормотал он.

– Что сделать?

Хотя вопрос задала не Гас, Крис взглянул на мать, и на лице его отразился страх.

– Убить себя, – тихо произнес он. – Эм собиралась уйти первой, – объяснил он, по-прежнему обращаясь к Гас. – Она... она застрелилась. А я не успел сделать то же самое, поскольку приехала полиция.

Не думай об этом! – молча приказала себе Гас. Просто сделай что-нибудь. Она подбежала к кровати и обняла Криса, оцепенев и не смея поверить своим ушам. Эмили и Крис? Совершают самоубийство? Это просто немыслимо, но тогда остается только одна, еще более ужасающая альтернатива. Та самая, которую предположила детектив Марроне. Невообразимо было представить, что Эмили может убить себя, но еще более нелепо предполагать, что ее убил Крис.

Гас подняла лицо над широким плечом Криса и взглянула на детектива:

– Уходите! Сейчас же!

Энн-Мари Марроне кивнула:

– Я с вами свяжусь. Сочувствую.

Когда детектив ушла, Гас продолжала баюкать Криса, спрашивая себя, сочувствует ли женщина тому, что произошло, или тому, что случится после ее возвращения.

Майкл, уложив сонную Мелани в постель, так как на нее подействовал валиум, выписанный врачом скорой помощи, сидел на краю кровати, пока не услышал, как ее дыхание выравнивается. Он не хотел уходить, не убедившись в том, что и ее не отнимут у него тоже.

Потом он прошел по коридору к комнате Эмили. Когда он открыл дверь, на него нахлынул поток воспоминаний, словно внутри была закупорена сущность его дочери. У него закружилась голова, и он прислонился к дверному косяку, вдыхая свежий пряный аромат духов Эмили, маслянистый, этиленовый запах подсыхающего полотна с недавней работой масляными красками. Он прикоснулся к еще влажному полотенцу, перекинутому через спинку кровати.

Она вернется, она должна вернуться – осталось слишком много незаконченных дел.

В больнице Майкл разговаривал с детективом, которому было поручено это дело. Майкл предполагал, что произошло групповое нападение преступников в масках, стрельба из движущейся машины. Он представлял себе, как его руки

смыкаются на горле человека, отнявшего жизнь его дочери.

Он даже вообразить себе не мог, что этим человеком была Эмили.

Но детектив Марроне поговорила с Крисом. Она сказала, что хотя любое подобное дело – один выживший, один убитый – будет рассматриваться как убийство, но Крис Харт рассказал о двойном суициде.

Майкл пытался вспомнить детали, разговоры, события. Последний разговор с Эмили состоялся у него за завтраком. – Папа, ты не видел мой рюкзак? Нигде не могу его найти. Был ли это своего рода код?

Майкл подошел к зеркалу, висящему над комодом Эмили, и увидел в нем лицо, очень похожее на лицо его дочери. Упершись ладонями в комод, он случайно задел маленький тюбик с бальзамом для губ. Внутри, в желтом полупрозрачном парафине, был отпечаток пальца. Был ли это ее мизинец? Не один ли это из ее пальцев, которые целовал Майкл, когда она маленькой упала с велосипеда или прищемила ящиком стола?

Выскочив из комнаты, он тихо вышел из дому и поехал на север.

Симпсоны, чья призовая чистокровная кобыла едва не околела на прошлой неделе, производя на свет двух жеребят, были удивлены, застав его в конюшне на рассвете, когда пришли покормить лошадей. Они сказали, что не вызывали его и в прошедшие дни все шло хорошо. Но Майкл, махнув

рукой, уверил их, что в случае сложных родов предусмотрено бесплатное контрольное посещение. Он стоял в стойле, повернувшись спиной к Джо Симпсону, и наконец мужчина, пожав плечами, ушел. Майкл погладил кобылу по гладким бокам, дотронулся до пушистых грив ее потомства, стараясь напомнить себе, что когда-то обладал способностью исцелять.

Крис проснулся с ощущением, что у него в горле застрял кусок лимона, а сухие глаза забиты дробленным стеклом. Страшно болела голова, но он знал, что причиной тому падение и швы.

В ногах кровати свернулась калачиком его мать, отец спал в единственном кресле. Никого больше в палате не было. Ни медсестер, ни врачей. Ни детектива.

Он попытался представить себе Эмили там, где она сейчас. В похоронном бюро? В морге? Где здесь морг, кстати... Он не указан на этажах около лифта. Крис неуклюже задвигался, морщась от головной боли, пытаясь вспомнить последнее, что сказала ему Эмили.

У него болела голова, но сердце болело гораздо сильнее.

– Крис? – Голос матери обволакивал его, как дым. Она села в изножье кровати, на ее щеке отпечатался след от одеяла. – Милый, ты в порядке?

Он почувствовал на щеке ладонь матери, прохладную, как речная вода.

– Голова болит? – спросила она.

В какой-то момент проснулся отец. Теперь родители сидели по обе стороны от кровати. На их лицах были написаны сострадание и боль. Крис повернулся на бок и закрыл лицо подушкой.

– Когда вернешься домой, – сказала мать, – тебе будет легче.

– Я собирался одолжить на выходные колун для дров, – добавил отец. – Если врачи тебе разрешат, не вижу причины, почему не заняться этим.

Колун для дров? Долбанный колун для дров?

– Солнышко, поплачь, поплачь, – погладила его по плечам мать, повторяя одну из банальностей, которые вчера проповедовал психиатр скорой помощи.

Крис как будто не собирался убирать подушку с лица. Мать несильно потянула за ее край. Подушка упала с больничной койки, выставляя напоказ покрасневшее рассерженное лицо Криса с сухими глазами.

– Уходите прочь, – четко выговаривая каждое слово, произнес он.

И, только услышав в конце коридора звонок лифта, Крис поднес к лицу трясущиеся руки, прикасаясь пальцами к бровям, носу и пустым окнам глаз, пытаясь понять, во что он превратился.

Джеймс скомкал бумажную салфетку и засунул ее в свою

кофейную чашку.

– Что ж, – взглянув на часы, сказал он, – мне пора идти.

Гас посмотрела на него сквозь поднимающийся пар от забытой чашки чая.

– Идти? – спросила она. – Куда?

– У меня операция в девять утра. А сейчас уже полдевятого.

У Гас от удивления в горле застрял ком.

– Ты собираешься сегодня оперировать?

Джеймс кивнул:

– Сейчас уже не могу отменить. – Он принялся складывать на поднос кафетерия чашки и бумажные тарелки. – Если бы я подумал об этом ночью, тогда другое дело. Но я не подумал.

Он сказал это так, будто в этом виновата она.

– Ради бога, – сдавленным голосом произнесла Гас, – твой сын пытался покончить с собой, его девушка мертва, а в полиции по-прежнему находится твой револьвер, но ты пытаешься делать вид, что прошлой ночи не было? Ты в состоянии вернуться к обычной жизни?

Джеймс встал и шагнул к двери:

– Если я не смогу, то как требовать этого от Криса?

Мелани сидела в приемной похоронного бюро, ожидая, когда один из сыновей Зальцмана познакомит их с практическими аспектами скорби. Рядом с ней Майкл возился с гал-

стуком, одним из трех имевшихся у него, так как решил надеть его для визита сюда. Сама Мелани отказалась сменить одежду, которая была на ней ночью.

– Мистер Голд, – сказал мужчина, торопливой походкой входя в комнату. – Миссис Голд... – Он по очереди пожал им руки, задерживая в своей руке чуть дольше, чем было необходимо. – Искренне сочувствую вашей потере.

Майкл пробормотал слова благодарности, Мелани недоверчиво взглянула на него. Как может она доверять этому человеку, столь неточному в словах, организацию похорон? Нелепо говорить о потере. Человек может потерять туфлю или связку ключей. Смерть ребенка – это не потеря. Это катастрофа. Опустошенность. Ад.

Джейкоб Зальцман скользнул за свой широкий письменный стол:

– Уверяю вас, мы сделаем все от нас зависящее, чтобы этот переход прошел для вас более спокойно.

Переход, подумала Мелани. Бабочки из кокона. Нет...

– Вы можете мне сказать, где сейчас Эмили? – спросил Зальцман.

– Нет, – ответил Майкл, но потом откашлялся.

Мелани стало за него неловко. Он вел себя так нервозно, явно боясь совершить промах на глазах у этого человека. Но что ему надо доказывать Джейкобу Зальцману?

– Ее привезли в Мемориальную больницу Бейнбриджа, но... обстоятельства ее смерти потребовали вскрытия.

– Значит, ее отвезли в Конкорд, – ровно произнес Зальцман, делая записи в блокноте. – Полагаю, вы захотите провести погребение как можно быстрее, поэтому предлагаю вам... понедельник.

Мелани поняла, что он считает день на вскрытие, день на то, чтобы привезти тело обратно в Бейнбридж. Почувствовав щекотание в горле, она с трудом сдержала рыдания.

– Есть несколько моментов, которые нам предстоит обсудить. Первый, конечно, это гроб. – Джейкоб Зальцман встал, жестом указывая на дверь в соседнее помещение. – Не желаете зайти и рассмотреть варианты?

– Лучший, – твердо произнес Майкл. – Самого высокого качества.

Мелани взглянула на Джейкоба Зальцмана, слегка кивнув. Она подумала, что в другое время могла бы посмеяться над этим с Гас – похоронный бизнес, прибыльное дело. Какой скорбящий родственник стал бы торговаться о цене гроба или покупать модель по бросовой цене?

– У вас уже есть программа? – спросил директор похоронного бюро.

Майкл покачал головой:

– Вы этим тоже занимаетесь?

– Мы занимаемся всем, – ответил Зальцман.

Мелани сидела с каменным лицом, пока мужчины обсуждали объявление в газете, охлаждение, открытки с выражением признательности за соболезнование, надгробие. Прий-

ти сюда было все равно что быть допущенными в святая святых, где человек молча обращается с вопросами, на самом деле не желая получить ответы. Мелани и представить не могла, что смерти сопутствует столько деталей: открытый или закрытый будет гроб, в какую папку – кожаную или картонную – поместить список приглашенных на церемонию прощания.

Мелани наблюдала, как счет вырастал до ошеломляющих цифр: 2000 долларов за гроб, 2000 – за цементную окантовку, 300 – за раввина, 500 за напечатание сообщения о смерти в «Таймс», 1500 – за подготовку могилы, 1500 – за использование часовни при морге. Где они возьмут эти деньги? Но потом она сообразила: из фонда Эмили на учебу в колледже. Джейкоб Зальцман передал Майклу окончательный счет, но тот даже бровью не повел:

– Отлично! Я хочу все самое лучшее.

Мелани очень медленно повернулась к Зальцману:

– Розы. Гроб из красного дерева. Цементная окантовка вокруг него. «Нью-Йорк таймс». – Она задрожала. – Лучшее, – без выражения произнесла она. – Это не сделает Эмили менее мертвой.

Майкл побледнел. Он протянул директору похоронного бюро хозяйственную сумку.

– Думаю, нам пора идти, – тихо сказал он. – Здесь одежда.

Мелани, привстав со стула, замерла:

– Одежда?

– Для погребения, – мягко произнес Джейкоб Зальцман.

Мелани потянулась к бумажному пакету и достала оттуда летнее платье с принтом радуги, слишком тонкое для ноября, сандалии, которые уже два года как были малы Эм, потом выудила пару трусиков, все еще пахнувших кондиционером для белья и заколку для волос со сломанным зажимом. Майкл не положил ни бюстгальтер, ни комбинацию. Помнят ли они одну и ту же дочь?

– Зачем ты взял эти вещи? – прошептала она. – Где ты их раскопал?

Эту одежду устаревшего фасона Эмили ни за что не надела бы. У них оставался последний шанс доказать, что они знали Эмили, что прислушивались к ней. Что, если они понимали все неправильно?

Мелани выбежала из помещения, стараясь не думать о реальной проблеме. Дело не в том, что Майкл сделал неправильный выбор, а в том, что вообще сделал выбор.

Когда они приехали домой, на подъездной дорожке их ждала Энн-Мари Марроне.

Ночью Майкл кратко пообщался с детективом, и у него тогда не было особого желания ее слушать. Она сообщила им неприятную новость о том, что Эмили и Крис пытались покончить с собой. Поскольку Эмили умерла, Майкл не представлял себе, что еще эта женщина может им рассказать.

– Доктор Голд, – выходя из «тауруса», обратилась к нему

детектив Марроне. Она подошла по гравийной дорожке к их машине. Если даже она заметила, что Мелани продолжает сидеть на переднем сиденье, уставившись в пустоту, то не стала комментировать. – Я не знала, что вы врач, – дружелюбно произнесла она.

Она указала на припаркованный слева пикап, на котором значилось название его практики.

– Животные, – лаконично ответил он. – Не одно и то же. – Он вздохнул. Каким бы ужасным ни выдался сегодняшний день, причиной тому была не Энн-Мари Марроне. Она всего лишь выполняет свою работу. – Послушайте, детектив Марроне, у нас было трудное утро. У меня, право, нет времени разговаривать.

– Я понимаю, – просто сказала Энн-Мари. – Я займу у вас всего минуту.

Кивнув, Майкл указал на дом:

– Там незаперто. – Он заметил, что детектив открыла рот, чтобы отругать его за беспечность, но потом передумала. Майкл подошел к переднему сиденью, открыл дверь и заставил Мелани выйти из машины. – Иди в дом, – сказал он ласковым приглушенным голосом, каким обычно успокаивал норовистую лошадь.

Он помог жене подняться по каменным ступеням и отвел ее на кухню, где она уселась на стул, не сняв даже пальто.

Детектив Марроне стояла, повернувшись спиной к кухонному прилавку.

– Ночью мы говорили о признании молодого Харта в двойном самоубийстве, – сразу перешла она к делу. – Ваша дочь могла себя убить. Но вы должны знать, что, пока не доказано обратное, ее смерть рассматривается как следствие убийства.

– Убийство, – выдохнул Майкл, и от одного этого ужасного, но притягательного слова в его сознании словно открылся шлюз – шанс обвинить в смерти Эмили кого-то, помимо себя. – Вы говорите, ее убил Крис?

– Я ничего не говорю, – покачала головой детектив. – Я объясняю действия правоохранительных органов. Это стандартная процедура – внимательно присмотреться к человеку, обнаруженному рядом с дымящимся оружием. Тому, кто остался в живых, – добавила она.

Майкл покачал головой:

– Когда вы приедете к нам через несколько дней, когда... все немного успокоится, я с радостью покажу вам старые фотоальбомы, или школьные тетради Эмили, или письма, которые Крис писал ей из лагеря. Он не убивал мою дочь, детектив Марроне. Если он скажет, что не убивал, верьте ему. Я могу поручиться за Криса, я хорошо его знаю.

– Так же хорошо, как свою дочь, доктор Голд? Настолько хорошо, что не догадывались о ее суицидальных наклонностях? – Детектив Марроне скрестила руки на груди. – Поскольку, если история Кристофера Харта правдива, это означает, что ваша дочь хотела себя убить – что она убила себя, –

не обнаруживая никаких внешних симптомов депрессии. – Детектив Марроне потеряла переносицу. – Послушайте, надеюсь ради вашего блага – и ради Эмили и Криса, – что это неудавшееся двойное самоубийство. В Нью-Гэмпшире суицид не считается преступлением. Но если не будет доказательств суицида, то главный прокурор штата должен определить, есть ли вероятное основание обвинить мальчика в убийстве.

Майклу необязательно было это озвучивать. Он понимал, что вероятная причина выяснится из того, что скажет им Эмили после смерти, посредством вскрытия.

– Нам покажут заключение судмедэксперта? – спросил он.

– Если хотите, могу показать, – ответила Энн-Мари.

– Да. Пожалуйста. – (Это будет последнее заявление, записка, которую она не оставила.) – Но я уверен, что до этого не дойдет.

Кивнув, Энн-Мари пошла к выходу, но на пороге обернулась:

– Вы уже говорили с Крисом?

– Я... пока еще не пришло время, – сказал Майкл.

– Конечно нет, – согласилась детектив. – Я просто спросила.

Она вновь выразила соболезнование и ушла.

Майкл направился к двери в подвал и, открыв ее, выпустил двух сеттеров, которые принялись возбужденно бегать и подскакивать, ставя на него лапы. Он вывел собак на подь-

ездную дорожку, на время задержавшись у открытой двери. Он не заметил, как Мелани, плотнее закутавшись в пальто от внезапного сквозняка, тихо и настойчиво повторяла слово «убийство».

Джеймс был у Криса в больнице, дожидаясь, когда лечащий врач переведет его из лечебного отделения в закрытое психиатрическое для подростков. Рекомендации врача немного успокоили Гас. Она не доверяла себе, боясь не распознать в Крисе признаков депрессии, которую, очевидно, уже пропустила. О нем позаботится квалифицированный и опытный персонал.

Джеймс сильно переживал. Скажется ли это на медицинской карте сына? Сможет ли он в свои семнадцать в любое время выписаться? Узнают ли когда-нибудь школа, его будущие работодатели, власти о том, что три дня он провел в психиатрическом отделении?

Через панорамное окно в гостиной Гас смотрела на аккуратную тропинку, которая вела от их дома к дому Голдов и в это время года была усыпана пожелтевшими сосновыми иглами и намокла от измороси. Увидев свет наверху, в спальне Мелани, Гас на цыпочках зашла в комнату Кейт, которой днем сообщили о смерти Эмили. Как и догадывалась Гас, ее дочь уснула в слезах.

Набросив на плечи пальто, Гас побежала по тропинке и вошла в дом Голдов через кухню. В доме стояла тишина, не

считая громкого тиканья часов с кукушкой.

– Мелани? – позвала она. – Это я.

Она поднялась наверх, заглядывая в спальню, кабинет. Дверь в спальню Эмили была закрыта, и Гас сознательно решила не заходить туда. Вместо этого она постучала в соседнюю, закрытую дверь ванной комнаты и медленно отворила ее.

Мелани сидела на опущенной крышке унитаза. При появлении Гас она подняла глаза, но удивления не выказала.

И вот теперь Гас понятия не имела, что сказать. Ей вдруг показалось глупым предлагать утешение, когда она сама была так тесно связана с этой болью.

– Привет, – тихо произнесла Гас. – Ну как ты там?

– Не знаю, – пожала плечами Мелани. – Похороны в понедельник. Мы ездили в похоронное бюро.

– Наверное, это было ужасно.

– Мне было все равно, – сказала Мелани. – Майкл был невыносим.

– Угу, – кивнула Гас. – Джеймс спорил с врачом, который хотел поместить Криса в психиатрическое отделение, потому что считает это пятном на репутации семьи.

Мелани взглянула на подругу:

– Ты чувствовала, что это может случиться?

Гас не стала притворяться, что не понимает.

– Нет, – ответила она прерывающимся голосом. – Если бы чувствовала, то сказала бы тебе. И я знаю, ты сказала бы

мне. – Она опустилась на край ванны. – Что могло быть таким ужасным? – прошептала она.

Она знала, что думает о том же, что и Мелани: Крис и Эмили выросли в атмосфере любви, в благополучных семьях, дружили с детства. Чего еще было им желать?

Наконец Мелани нарушила молчание:

– Майкл принес в похоронное бюро жуткую одежду для погребения Эмили. И я выбросила ее. Не позволила ему оставить.

Гас поднялась, испытывая облегчение при мысли, что можно чем-то заняться.

– Значит, нам надо найти что-то для нее, – сказала она.

Взяв Мелани за руку, Гас помогла ей встать и привела к комнате Эмили. Потом решительно повернула дверную ручку, словно не опасаясь воспоминаний, которые должны были нахлынуть на нее.

Комната до сих пор чудесным образом оставалась жилищем Эмили. Храм тинейджера, на алтарь которого были помещены одежда от «Гэп», парфюмерные масла и фотоснимки сына Гас. Мелани с нерешительным видом стояла посредине комнаты, готовая убежать, пока Гас рылась в шкафу.

– Как насчет той блузки бирюзового цвета, которую она надевала для фотографирования в школе? – спросила Гас. – Она так шла к ее глазам.

– Она без рукавов, – думая о чем-то о своем, произнесла Мелани. – Она в ней замерзнет до смерти. – Гас продолжала

перебирать вешалки, и Мелани вдруг прикрыла рот рукой. – Нет, – простонала она, и ее глаза наполнились слезами.

– О-о, Мел! – Гас обвила подругу руками. – Я тоже ее любила. Мы все любили.

Мелани вырвалась и повернулась к ней спиной.

– Знаешь, – неуверенно начала Гас, – может быть, спросить Криса? Он лучше любой из нас знает, что подошло бы Эм.

Мелани не ответила. Что рассказала Голдам детектив? И, что более важно, чему они поверили?

– Ты ведь знаешь, Крис любил ее, – прошептала Гас. – Ты знаешь, он сделал бы для Эм все что угодно.

Мелани обернулась, и Гас даже не узнала ее.

– Что я знаю про Криса, так это то, что он по-прежнему жив.

Тогда

Лето 1984 года

На этот раз Гас снилось, что она едет за рулем по шоссе 6. На заднем сиденье «вольво» Крис вколачивал экшен-фигурку в обивку своего автомобильного кресла. Рядом с ним в другом кресле сидел младенец, лицо которого загораживал от матери угол зеркала заднего вида.

– Она пьет из бутылочки? – спросила Гас у Криса, старшего брата, второго пилота.

Но не успел он ответить, как в окно постучал какой-то мужчина. Гас улыбнулась и опустила стекло, чтобы показать дорогу.

Мужчина помахал у нее перед носом пистолетом:

– Вылезай из машины!

Задрожав, Гас выключила зажигание. Она вышла из машины – вам всегда велят выйти из машины – и со всей силы зашвырнула ключи на середину следующей полосы.

– Сука! – завопил мужчина, бросаясь за ключами.

Гас понимала, что в ее распоряжении меньше тридцати секунд. Этого времени недостаточно, чтобы отстегнуть ремни на обоих детских сиденьях, вытащить детей и отнести их в безопасное место.

Он снова приближался к ней. Ей пришлось сделать выбор.

Всхлипывая, она нащупала защелку задней двери.

– Давай, давай, – плакала она, отстегивая ремни на детском сиденье с младенцем и беря ребенка на руки.

Гас бросилась к противоположной стороне машины, где сидел Крис, но тот мужчина уже заводил двигатель, и она смотрела, прижимая к себе одного ребенка, как похищают другого.

– Гас! Гас! – (Она резко проснулась, пытаясь сфокусироваться на лице мужа.) – Ты опять стонала.

– Знаешь, – переводя дух, сказала Гас, – говорят, если сто-нешь, когда спишь, то, значит, в твоём сне ты кричишь.

– Тот же кошмар?

– На этот раз это был Крис, – кивнула Гас.

Джеймс обнял Гас и провел ладонью по ее огромному жи-воту, чувствуя на ощупь бугорки и выступы, которые будут коленями, будут локтями.

– Это для тебя нехорошо, – пробормотал он.

– Я знаю. – Ее сорочка промокла от пота, сердце бешено колотилось. – Может быть... может, мне сходить к кому-то?

– Психиатру? – усмехнулся Джеймс. – Перестань, Гас. Это всего лишь ночной кошмар. – Смягчив тон, он добавил: – К тому же мы живем в Бейнбридже. – Он прижался губами к ее шее. – Никто не собирается угонять твою машину. Никто не собирается похищать наших детей.

– Откуда ты знаешь? – тихо спросила Гас, уставившись в

потолок. — Как можно быть уверенным, что твоя жизнь заговорена?

Она пошлепала по коридору в комнату сына. Крис спал, разметавшись поперек кровати. Он спит, подумала она, с уверенностью человека, знающего, что он в безопасности.

Лето выдалось необычно жарким, но Гас приписывала это не течению Эль-Ниньо и не глобальному потеплению, а закону Мёрфи, поскольку была в середине своей второй беременности. Каждое утро в последние две недели, когда температура доходила до восьмидесяти пяти градусов по Фаренгейту, Гас и Мелани отвозили детей на Талли-понд, городской водоем для купания.

Крис и Эмили были у воды, наклонив друг к другу головы и переплетя загорелые руки. Гас смотрела, как Эмили измазала руки в мокром песке и нежно провела ими по лицу Криса:

— Ты индеец.

Следы от ее пальцев оставили на его щеках военную раскраску.

Крис наклонился к воде и зачерпнул две пригоршни песка. Он пришлепнул ладони к голой груди Эмили, и грязь стала стекать к животу.

— Ты тоже, — сказал он.

— Ой-ой! — пробормотала Гас. — Пожалуй, пора отучать его от этой привычки.

Мелани рассмеялась:

– Ты имеешь в виду колошматить девчонок? Если пове-
зет, то к тому времени, как это станет важно, объекты его
внимания будут носить бикини с топом.

Эмили отскочила от Криса, завизжала и побежала по уз-
кому пляжу. Мелани смотрела, как они исчезли за мысом.

– Пойду приведу их.

– Ну, ты, конечно, доберешься до них быстрее меня, – со-
гласилась Гас.

Откинув голову, она задремала, но вскоре услышала топот
ног по песку. Открыв глаза, она увидела стоящих перед ней
совершенно голых Эмили и Криса.

– Мы хотим знать, почему у Эмили есть пирожок, – заявил
Крис.

За их спиной показалась Мелани, державшая в руках сня-
тые купальные трусики.

– Пирожок?

Крис указал на свой пенис:

– Ага. У меня есть пиписька, а у нее – пирожок.

Мелани добродушно улыбнулась:

– Я привела их. А теперь ты покажи свою мудрость.

Гас откашлялась:

– У Эмили есть вагина, потому что Эмили – девочка. У
девочек есть вагины, у мальчиков – пенисы.

Эмили и Крис многозначительно переглянулись.

– Она может купить себе пенис? – спросил Крис.

– Нет, – ответила Гас. – Что есть, то есть. Это как карамель на Хэллоуин.

– Но мы хотим быть одинаковыми, – захныкала Эмили.

– Нет, не хотите, – в один голос сказали Гас и Мел.

Мелани протянула Эмили трусики:

– А теперь оденься. Ты тоже, Крис.

Дети послушно натянули на себя мокрые трусики и побрели к песчаному замку, который выстроили этим утром. Мелани взглянула на Гас:

– Карамель на Хэллоуин?

Гас рассмеялась:

– Можно подумать, у тебя получилось бы лучше.

Мелани уселась на песок.

– На их свадьбе, – сказала она, – мы будем вспоминать это со смехом.

Чарли, охотничья собака Джеймса, с некоторых пор болела. В прошлом году Майкл диагностировал язву и выписал тагамет и зантак – дорогостоящие лекарства для людей. Пса нужно было кормить маленькими порциями щадящей пищи, ни в коем случае не подпуская к выброшенной банке с остатками свиного жира. Болезнь протекала периодами: несколько месяцев кряду Чарли был в порядке, потом наступало обострение, и Гас отвозила его к Майклу. Она прятала от Джеймса счета после визитов ветеринара, поскольку знала, что Джеймс не согласится потратить на умирающую

собаку пятьсот долларов за зиму. Однако Гас отказывалась рассматривать другие варианты.

Этим летом, однако, у Чарли появилась новая проблема. Он постоянно пил: из унитаза, из ванночки Криса, из луж. Потом мочился на ковры, покрывала на кроватях, хотя с самого начала был приучен не пачкать в доме. Майкл сказал Гас, что это, возможно, диабет. У спрингер-спаниелей этого обычно не бывает, и болезнь не считается смертельной. Но ее довольно сложно контролировать. И каждое утро Гас приходилось делать Чарли укол инсулина.

По субботам Гас приводила Чарли к Голдам, чтобы Майкл осмотрел собаку. Каждую неделю они обсуждали отсутствие улучшений и, как следствие, возможность усыпления.

– Эта собака серьезно больна, – сказал ей Майкл. – Я не стану думать о тебе плохо, если ты примешь решение.

В третью субботу августа Гас шла по тропинке из дома к соседям. Чарли крутился у ее ног. С ней были Крис и Эмили – все утро дети играли в доме Хартов. Дети вместе с собакой шумно взобрались на боковое крыльцо, потом помчались на кухню. Чарли проскочил между ног Мелани, открывшей дверь.

– По-прежнему писается? – (Гас кивнула.) – Чарли! Иди сюда! – прокричала Мелани.

Но прежде чем пес успел испачкать ковер или броситься наверх, появился Майкл и рядом с ним Чарли.

– Как ты это делаешь? – рассмеялась Гас. – Он не слуша-

ется даже команды «сидеть».

– Годы и годы практики, – с улыбкой ответил Майкл. – Ты готова?

Гас повернулась к Мелани:

– Присмотришь за Крисом?

– Думаю, это сделает Эм. В какое время вы ждете нас у себя сегодня?

– В семь, – ответила Гас. – Мы можем уложить детей спать и потом сделать вид, что у нас их нет.

Майкл похлопал Гас по животу:

– Что должно быть особенно легко для тебя, с твоей девической фигурой.

– Не будь ты ветеринаром моей собаки, я бы врезала тебе за это.

Смеясь и разговаривая, они направились к небольшому кабинету, который Майкл устроил над гаражом, и даже не догадывались, что, пока не пропали из виду, за ними наблюдала Мелани, удивляясь непринужденности, окутывающей их, как старым фланелевым одеялом.

Джеймс появился в зеркале за спиной Гас, когда она надевала левую сережку.

– Сколько мне лет? – проводя рукой по волосам, спросил он.

– Тридцать два, – ответила она.

Джеймс широко раскрыл глаза.

– Нет, – настаивал он. – Мне тридцать один.

Гас улыбнулась:

– Ты родился в тысяча девятьсот пятьдесят втором. Посчитай.

– О господи! Я думал, мне тридцать один. – Он смотрел, как смеется жена. – Это очень важно. Знаешь, иногда просыпаешься, думая, что сегодня пятница, а на самом деле только вторник. Значит, я потерял целый год.

Внизу позвонили в дверь.

– Папа, там Эм! – Крис ворвался в спальню в пижаме Бэтмана. – Эм пришла.

– Иди открой дверь, – сказала Гас. – Передай Мелани, мы сейчас спустимся.

В зеркале она встретила глазами с Джеймсом.

– Я говорил тебе, как хорошо ты сегодня выглядишь? – пробормотал он.

– Это только потому, что я скрыта в зеркале ниже пояса, – улыбнулась Гас.

– Пусть так, – прошептал Джеймс, целуя ее в шею.

– А я говорила тебе, – начала Гас, – что я люблю все твои года – тридцать один?

– Тридцать два.

– О-о. – Гас нахмурилась. – В таком случае забудь. – Широко улыбнувшись, она отодвинула назад стул и встала во всем великолепии ярко-оранжевой туники. – Идешь? – спросила она и, когда Джеймс кивнул, выключила свет в спальне

и стала спускаться по лестнице.

В середине вечеринки собаку стошнило.

Они как раз встали из-за стола. Мужчины поднялись наверх, чтобы уложить Криса и Эмили в огромную кровать в хозяйской спальне. Джеймс спускался по лестнице, когда услышал безошибочные харкающие звуки.

Пройдя по коридору, он нашел Чарли, стоящего в луже мочи, которого рвало на старинный ковер ручной работы.

– Черт возьми! – пробормотал он, слыша за спиной чьи-то шаги, и схватил Чарли за ошейник, чтобы вывести во двор.

– Он не виноват, – тихо произнесла Гас.

Мелани уже присела на корточки, убирая грязь тряпкой.

– Я знаю, – лаконично ответил Джеймс. – Но от этого не легче. – Он повернулся к Майклу; тот наблюдал издали, засунув руки в карманы. – Ты ничего не можешь сделать?

– Нет, – ответил Майкл. – Если только ввести собаку в инсулиновый шок.

– Замечательно, – произнес Джеймс, шаркая ногой по коврику. – Отлично.

Гас забрала тряпку у Мелани, которая медленно поднялась, и сказала:

– Может быть, мы пойдем.

Майкл кивнул, и, пока Гас и Джеймс пытались спасти свой старинный ковер, Голды отправились наверх. Они нашли свою дочь, затерявшуюся вместе с Крисом в море про-

стыней, пряди золотых и медных волос перепутались на одной подушке. Осторожно освободив Эмили, Майкл взял ее на руки и отнес вниз.

Гас ждала у входной двери:

– Я позвоню.

– Непременно, – ответила Мелани, грустно улыбнувшись и открывая дверь.

Майкл задержался еще на минуту. Он крепче прижал к себе теплое тело ребенка.

– Гас, может, уже пора, – сказал он.

Она покачала головой:

– Мне жаль, что так вышло.

– Нет, – ответил Майкл. – Это *мне* жаль.

На этот раз лицо угонщика имело собачий оскал с черными запавшими деснами.

– Вылезай из машины! – приказал он, и Гас выбралась, постаравшись забросить ключи подальше.

Она широко распахнула заднюю дверь, отстегнула ужасную застежку на детском сиденье и схватила ребенка на руки.

– Отстегни ремень! – крикнула она Крису, который пытался это сделать, хотя его пальчики не справлялись. – Отстегни!

Она подбежала к машине с его стороны. Угонщик проскользнул на водительское сиденье, наставив на нее писто-

лет. Что-то царапнуло Гас по запястью. Посмотрев себе на руки, она поняла, что все это время держала Чарли.

Джеймс вылез из кровати до восхода солнца, натянул джинсы и футболку, удивляясь, как прохладно здесь бывает, пока не поднялся туман. На кухне он съел чашку хлопьев, прогоняя из головы все ненужные мысли, а потом спустился в подвал.

Чарли, всегда чующий его появление раньше всех, заметался по проволочному вольеру.

– Привет, дружок, – отодвигая задвижку, сказал Джеймс. – Хочешь погулять? Хочешь на охоту?

Глаза Чарли округлились, розовый язык свесился из пасти. Он присел и помочился на цементный пол.

Джеймс сглотнул, потом достал из кармана ключ от ружейного шкафа, вынул ружье 22-го калибра, которое берег для Криса, когда тот вырастет и сможет охотиться на белок и кроликов, и протер тряпкой гладкий деревянный приклад и сверкающий ствол. Достал две пули и засунул их в карман джинсов.

Собака выскочила из двери раньше Джеймса. Оказавшись в своей стихии, Чарли обнюхивал землю, царапал когтями коричневую грунтовую дорогу, потом кругами возвращался, идя по своему следу.

По лицу Джеймса струились слезы. Он пошел следом за собакой, и Чарли, хорошо зная хозяина, даже не повернулся.

Подняв винтовку, Джеймс выстрелил ему в затылок.

– Привет, – заходя в кухню, сказала Гас. – Ты сегодня рано.

Джеймс старательно мыл руки над раковиной и даже не поднял взгляда на жену.

– Послушай, собака умерла.

Гас замерла посредине кухни. Она оперлась на столешницу, и глаза ее моментально наполнились слезами.

– Наверное, это инсулин. Майкл сказал...

– Нет, – перебил ее Джеймс, по-прежнему избегая смотреть на Гас. – Я взял его утром на охоту.

Если Гас и показалось странным, что он пошел на охоту за несколько месяцев до начала охотничьего сезона в Новой Англии, то она не сказала об этом.

– У него случился приступ? – хмурясь, спросила она.

– Это был не приступ. Это... Гас, это сделал я.

Она схватилась рукой за горло.

– Что ты сделал? – прошептала она.

– Я убил его, черт возьми! – крикнул Джеймс. – Понятно? Мне самому тоже тяжело. И я не рассердился на него из-за ковра. Просто я хотел помочь ему. Избавить его от боли.

– Так ты пристрелил его?

– А ты бы что сделала?

– Я отвела бы его к Майклу, – прерывающимся голосом произнесла Гас.

– Чтобы он сделал Чарли укол? И чтобы ты держала его и смотрела, как он умирает? Это, конечно, более человечно. Он был моей собакой, и я должен был заботиться о нем. – Джеймс пересек комнату и взглянул на жену. – Ну что? – с вызовом спросил он.

Гас покачала головой:

– Я тебя не знаю, – и выбежала из дому.

– Каким нужно быть человеком, чтобы пристрелить собственную собаку? – спросила Гас, сжимая кружку дрожащими руками.

Мелани устремила взгляд в конец кухонного стола.

– Он сделал это не со зла, – не очень искренне попыталась она оправдать Джеймса.

Всего лишь минуту назад, когда ее лучшая подруга с рыданиями вбежала в боковую дверь, Мелани поняла, насколько высоко она ценит призвание мужа лечить.

– Он ведь не убивает своих пациентов, да? – лепетала Гас, словно читая мысли Мелани. – И что я скажу Крису, интересно знать?

– Скажи ему, что Чарли умер и что теперь ему лучше.

Гас потерла лицо.

– Это будет ложь, – заявила она.

– Но тогда он меньше расстроится, – ответила Мелани, и обе женщины невольно подумали о том, что совершил Джеймс и почему.

Когда Гас вернулась домой, на ступенях крыльца ждал Крис.

– Папа сказал, что Чарли умер, – сообщил он.

– Я знаю. Очень жалко его.

– Мы закопаем его на пастбище?

– Кладбище? – Гас нахмурилась. Что Джеймс сделал с собакой? – Вряд ли, милый. Папа, наверное, закопал его где-нибудь в лесу.

– Чарли теперь ангел?

Гас представила спрингер-спаниеля, к лапам которого, казалось, были приделаны крылышки.

– Угу, наверное.

Крис потер нос:

– Так когда мы снова его увидим?

– Только когда окажемся на Небесах, – ответила Гас. – Но это будет очень не скоро.

Взглянув на заплаканное лицо Криса, она в смятении вошла в дом, Крис поплелся за ней. Потом Гас отправилась в ванную комнату, упаковала свою зубную щетку и шампунь, лезвия и парфюмерную воду. Завернув все это в свою ночную сорочку, она положила вещи на кровать. Потом наугад вытащила одежду из ящиков и сняла с вешалок.

– Что ты на это скажешь, – спросила она у Криса, – если мы немного поживем у Эм?

Гас с Крисом спали в гостевой комнате Голдов, узком помещении, примыкающем к ветеринарному кабинету. Там стояли двуспальная кровать и расшатанный комод, сюда проникал запах спирта. Чувствуя себя неловко, Гас отправилась спать в восемь часов, уложив сначала Кристофера. Лежа рядом с ним в темноте, она старалась не думать о Джеймсе.

Мелани с Майклом не сказали ни слова. Не то чтобы не могли – любое слово прозвучало бы неправильно. К чести Джеймса, он звонил четыре раза. Дважды он проделывал весь путь лишь для того, чтобы услышать, как Гас кричит из дома Голдов, что не хочет его видеть.

Наконец Гас не выдержала, ее достал звук текущей по трубам воды. Прислушиваясь к ровному дыханию Криса, она осторожно выбралась из кровати и прошла по коридору в кабинет, где в темноте светились кнопки телефона.

Джеймс ответил после третьего гудка.

– Алло, – сонно произнес он.

– Это я.

– Гас... – По голосу она слышала, что он просыпается, приподнимается и подносит трубку ближе к уху. – Я хочу, чтобы ты вернулась домой.

– Где ты его закопал?

– В лесу. У каменной стены. Если хочешь, я покажу тебе.

– Просто я хочу это знать, чтобы рассказать Крису.

Она ведь не собиралась говорить Крису правду. Причина ее любопытства заключалась в том, что она опасалась, не же-

лая себе в этом признаться, что через несколько лет, гуляя в лесу после ливня с ураганом, они наткнутся на скелет собаки.

– Я сделал это не со злости. Плевать на чертов ковер! Если бы я мог переиграть это и вернуть нам Чарли здоровым, я бы это сделал.

– Но не сделал, – сказала она. – Так ведь?

Гас осторожно положила трубку на рычаг и прижала ко рту костяшки пальцев. В тот же момент до нее дошло, что перед ней стоит Майкл.

На нем были спортивные штаны с дыркой на колене и вылинявшая футболка с эмблемой Тафтса.

– Я услышал какой-то шум, – объяснил он, – и спустился, чтобы убедиться, что с вами все в порядке.

– В порядке, – повторила Гас те же слова.

Она подумала о точности Мелани в словах и о том, что сказал ей утром Джеймс: собака умерла. Но если разобраться, собака не просто умерла. Собаку убили. В этом была разница.

– Я не в порядке. Даже наполовину не в порядке.

Гас почувствовала на своем плече руку Майкла.

– Он сделал то, что считал лучшим, Гас. Сначала он даже взял Чарли на охоту. – Майкл опустил рядом с ней на колени. – Чарли умер, находясь рядом с человеком, которого любил больше всех. Я мог бы застрелить пса, но перед этим я не мог бы заставить его радоваться. – Встав, он потянул ее

за руки. – Иди спать.

Он довел Гас до гостевой комнаты, чуть прикасаясь к ее спине теплой рукой.

На следующий день Мелани и Гас отвели детей к озеру. Крис и Эмили сразу бросились к воде, а матери раскладывали полотенца и расставляли пляжные кресла. Вдруг от поста спасателя раздался свисток. В воду бросился сильный загорелый парень в красных плавках и быстро поплыл к скале. Мелани и Гас замерли в креслах, парализованные одной и той же мыслью: они не видели своих детей.

Потом появилась Эмили, которую вела за руку незнакомая женщина. В мутноватой голубой воде медленно поворачивался какой-то продолговатый предмет. Спасатель нырнул и, быстро рассекая воду, вытащил свою добычу на песок.

Крис лежал совершенно неподвижно – белое лицо, плоская грудь. Гас протолкалась сквозь толпу и, не в силах вымолвить ни слова, рухнула на песок в нескольких футах от сына. Юный спасатель опустился рядом с Крисом и принялся делать ему искусственное дыхание.

Голова Криса повернулась набок, и он изверг из себя воду. Хватая ртом воздух, расплакавшись, Крис потянулся к рукам Гас. Спасатель встал.

– С ним все будет хорошо, мэм, – сказал парень. – Эта маленькая девочка – его подружка? Она соскользнула в воду с камней, а он прыгнул, чтобы вытащить ее. Проблема была

в том, что она попала на мелководье и могла стоять. А ваш сын – нет.

– Мама, – позвал Крис.

Вся дрожа, Гас повернулась к спасателю:

– Простите меня. Спасибо.

– Нет проблем, – ответил парень и направился к побеленной будке.

– Мама, – опять позвал Крис и затем более настойчиво: – Мама!

Он дотронулся холодными дрожащими руками до ее лица.

– Что? – откликнулась Гас, чувствуя, как переполненное чувствами сердце давит на ребенка внутри. – Что такое?

– Я видел его, – сообщил Крис с сияющими глазами. – Я снова видел Чарли.

В тот день Гас с Крисом вернулись к себе домой. Они принесли наверх свои туалетные принадлежности и одежду, разложив все по местам. Когда поздно вечером Джеймс пришел домой из больницы, то заглянул в спальню к сыну и увидел спящего Криса, а в их спальне его ждала жена, – казалось, они никуда не уходили.

На этот раз в ночном кошмаре Гас удалось закинуть ключи еще дальше – под другую машину, припаркованную через улицу. Она расстегнула свой ремень безопасности и, бросившись к задней двери, сумела отстегнуть младенца и вы-

тащить его из машины, но тут услышала шаги за спиной.

– Ты подонок! – закричала Гас, впервые сопротивляясь в своем кошмаре, и пнула ногой шину.

Ожидая увидеть Криса, она взглянула на заднее сиденье, но вместо этого увидела, как ее муж протягивает руку назад, чтобы освободить сына. Она очень удивилась тому, что только сейчас заметила, что все это время Джеймс сидел на заднем сиденье.

Сейчас

Ноябрь 1997 года

– Я нанимаю Крису адвоката, – заявил Джеймс в субботу за ужином.

Эти слова вырвались из него наподобие отрывки, и он с опозданием прикрыл рот салфеткой, как будто мог взять их назад и произнести более мягко.

Адвокат. Поднос выскользнул из рук Гас и с грохотом упал на стол.

– Что-что?

– Я поговорил об этом с Гари Мурхаусом. Помнишь, он был на встрече в Гротоне? Гари сам предложил.

– Но Крис не совершал преступления. Депрессия не преступление.

Кейт недоверчиво посмотрела на отца:

– Ты хочешь сказать, они думают, что Крис убил Эмили?

– Ни в коем случае! – вдруг задрожав и скрестив руки на груди, заявила Гас. – Крису не нужен адвокат. Психиатр – да. Но адвокат...

Джеймс кивнул:

– Гари сказал, что, когда Крис признался детективу Марроне в двойном самоубийстве, он тем самым впутал себя. Поскольку нет третьего человека, только они с Эм, он навлек

на себя подозрение.

– Это безумие, – возразила Гас.

– Гас, я не говорю, что Крис это совершил, – мягко произнес Джеймс. – Но я считаю, нам надо подготовиться.

– Ты не станешь нанимать адвоката защиты для преступления, которого не было, – дрожащим голосом произнесла Гас.

– Гас...

– Нет, Джеймс. Я тебе не позволю. – Она крепче обхватила себя руками, которые едва не сошлись у нее на спине. – Если они узнают, что мы наняли адвоката, то подумают, что Крису есть что скрывать.

– Они уже так думают. Они сделают вскрытие Эмили и пошлют оружие на экспертизу. Послушай, мы с тобой знаем, что произошло на самом деле. Крис знает, что произошло на самом деле. Разве не стоит нанять квалифицированного адвоката, который расскажет полиции о том, что произошло на самом деле?

– Ничего не произошло! – отвернувшись от мужа, взвизгнула Гас. – Ничего не произошло, – повторила она. «Скажи это Мелани», – нашептывал внутренний голос.

Она вдруг вспомнила один день, когда Крис, проснувшись, обвинил ее шею руками, и она осознала, что это уже не дыхание младенца. Оно было не приятным, пахнущим молоком, а не совсем свежим, как у взрослого, и она инстинктивно отодвинулась от него, словно дело было не в переходе

на твердую пищу, а в том, что это маленькое тело годовалого ребенка теперь умело утаивать свои грехи.

Гас сделала несколько глубоких вдохов, потом повернулась к столу. Кейт склонилась над тарелкой, как ива, в ее бледном отражении в тарелке скапливались слезы. Никто не притронулся к еде. И стул Джеймса был пустым.

Кейт смущенно стояла на пороге палаты своего брата, держась за дверную ручку на тот случай, если брат отключится и превратится в психического – такого, как тот парень с засаленными светлыми волосами, который прятался за каталкой, когда они с мамой шли по коридору. На самом деле она даже не хотела идти в больницу, поскольку Криса должны были выписать во вторник. К тому же врачи говорили, что его надо окружить любящими людьми, а Кейт считала, что к ним не относится. За последний год отношения со старшим братом не складывались: ссоры из-за того, что он долго находился в ванной, входил в ее комнату без стука, запускал руки под кофточку Эмили.

Кейт бесила мысль о том, что Крис лежит в психушке – ну, не совсем, но все же. Он выглядел по-другому – с темными кругами под глазами и этим затравленным взглядом, как будто все пытаются подловить его. Уж конечно, не как звезда плавания, за две минуты проплывшая дистанцию баттерфляем в прошлом году. У Кейт сжалось сердце, и она молча поклялась, что позволит Крису первому занимать ванную по

утрам. А ведь раньше она вопила ему: «Что б ты сдох!» – и посмотрите, как близко он к этому подошел.

– Привет, – произнесла Кейт, со смущением поняв, что у нее дрожит голос. Бросив взгляд через плечо, она удивилась, что мама куда-то пропала. – Как ты себя чувствуешь?

Крис пожал плечами:

– Дерьмово.

Кейт прикусила губу, вспоминая, что говорила ей мать: «Подбодри его. Не обсуждай Эмили. Говори о какой-нибудь ерунде».

– Мы... выиграли футбольный матч.

Крис поднял на нее тусклые, унылые глаза, но не сказал ни слова, да и не нужно было. Он словно насмеялся: «Эмили мертва, Кейт. И зачем мне твоя дурацкая игра?»

– Я забила три гола, – промямлила Кейт. Может быть, если не смотреть на него... Она повернулась к окну, выходящему на мусоросжигательную печь с трубой, изрыгающей клубы черного дыма. – Господи! – выдохнула она. – На это нельзя смотреть человеку со склонностью к самоубийству.

Крис издал какой-то звук. Кейт повернулась к нему и прижала ладонь ко рту.

– О-о, мне не стоило этого говорить, – пробормотала она, но потом до нее дошло, что Крис улыбается.

Она заставила его улыбнуться.

– О чем тебе велели говорить со мной? – спросил Крис.

Кейт села на край кровати.

– О чем угодно, что тебя хоть немного обрадует, – призналась она.

– Я был бы рад узнать, – сказал он, – когда будут похороны.

– В понедельник, – ответила Кейт, чуть откинувшись назад и чувствуя некоторое облегчение от доверительного тона. – Но я ни под каким видом не должна была тебе этого говорить.

Губы Криса медленно растянулись в улыбке.

– Не волнуйся. Я тебя не выдам.

Когда Гас с Джеймсом вошли в понедельник утром в палату Криса, он сидел на краю кровати, одетый в плохо сидящие на нем голубые чиносы и рубашку – одежду, которая была на нем в пятницу вечером. Пятна крови были застираны, но под флуоресцентными лампами просвечивали на ткани розовым цветом. Марлевую повязку на голове сменил пластырь над бровью. Волосы были влажные, тщательно причесанные.

– Хорошо, – вставая на ноги, сказал он. – Пойдем.

Гас замерла на месте:

– Куда пойдем?

– На похороны, – ответил Крис. – Вы ведь не планировали оставить меня здесь?

Гас и Джеймс обменялись взглядами. Именно это они и планировали – по рекомендации врачей психиатрического отделения для подростков, которые обсуждали доводы за

(позволить Крису горевать) и против (затрагивать болезную тему и напоминать ему, что после ухода Эмили он не хочет жить). Гас откашлялась:

– Похороны Эм не сегодня.

Крис взглянул на темное платье матери, на костюм отца:

– Полагаю, вы идете на танцы. – Он двинулся к ним резкими нескоординированными движениями. – Мне сказала Кейт. И я пойду.

– Милый, врачи считают, что этого делать не стоит. – Гас дотронулась до его руки.

– На хрен врачей, мама! – воскликнул он прерывающимся голосом, отводя ее руку. – Я хочу ее видеть. Ведь потом уже не увижу никогда.

– Крис, – начал Джеймс, – Эмили умерла. Лучше постараться оставить это позади и подлечиться.

– Вот так просто? – высоким голосом произнес Крис. – Значит, если мама умерла бы, и ты застрелял бы в больнице до дня ее похорон, и врачи сказали бы, что ты слишком слаб и тебе следует оставаться там, ты повернулся бы на другой бок и уснул?

– Это не одно и то же, – возразил Джеймс. – Ты ведь не ногу сломал.

Крис напустился на них.

– Почему вы просто не скажете это? – закричал он. – Вы думаете, я собираюсь смотреть, как Эм хоронят, а после этого брошусь с ближайшей скалы?

– В тот день, когда тебя выпишут, мы можем сходить на кладбище, – пообещала Гас.

– Вам не удержать меня здесь! – Крис направился к двери; Джеймс рванулся и схватил сына за плечи, но тот отмахнулся от отца. – Отпусти!

– Крис, не надо, – попросил Джеймс, продолжая бороться с сыном.

– Я могу потребовать, чтобы меня выписали.

– Они тебя не отпустят, – сказала Гас. – Они знают, что сегодня похороны.

– Вы не сделаете этого! – Крис вырвался из рук Джеймса, ударив его локтем в челюсть.

Зашатавшись, Джеймс прижал ладонь ко рту, и Крис убежал из комнаты.

Гас устремилась вслед за ним.

– Остановите его! – крикнула она медсестрам, находящимся у сестринского поста.

Гас слышала суматоху у себя за спиной, но не могла отвести глаз от Криса. Ни в тот момент, когда запертые двери не поддались под его титаническим напором, ни когда санитары завели ему руки за спину и сделали инъекцию, ни когда он повалился на пол, укоризненно глядя на нее и беззвучно шепча имя Эмили.

Майкл предложил отсидеть Шиву после похоронной службы. Поскольку Мелани отказалась заниматься подготов-

кой поминок, Майклу пришлось заказывать бейглы, копченую лососину, салаты, кофе и печенье. К тому времени, как они вернулись с кладбища, одна из соседок – не Гас – поставила еду на столе в гостиной.

Мелани сразу поднялась наверх с пузырьком валиума. Майкл сидел на диване в гостиной, принимая соболезнования своего зубного врача, коллеги-ветеринара, некоторых клиентов, друзей Эмили.

Друзья подошли плотной группой, и ему все казалось, что в любую минуту они могут расступиться и в середине он увидит свою дочь.

– Мистер Голд, – сказала одна девушка с бледно-голубыми глазами – Хезер или Хейди, – мы не понимаем, как это могло случиться.

И она дотронулась до его руки своей мягкой ладошкой. Ее рука была такого же размера, как у Эмили.

– Я тоже этого не понимаю, – ответил Майкл, впервые осознав, как это верно.

Внешне Эм казалась энергичной и яркой – красивая девушка с живым характером. Майклу нравилось то, что он видел, и он не пытался копать глубже. Слишком страшно было бы обнаружить угрозу наркотиков, секса и других соблазнов взрослой жизни, которые, как он надеялся, ее не затронули.

Майкл продолжал держать руку Хезер. Ногти на пальцах были как маленькие овалы, похожие на бледные морские ракушки, которые можно спрятать в карман. Майкл поднес ру-

ку девушки к своему лицу и прижал к щеке.

Девушка отскочила назад и отдернула руку, сжав пальцы. Щеки ее зарделись. Повернувшись, она тотчас же смешалась с группой своих друзей.

Майкл откашлялся, собираясь что-то сказать. Но что? *Ты напомнила мне о ней. Хотел бы я, чтобы ты была моей дочерью.* Нужные слова не находились. Поднявшись, он прошел в прихожую мимо доброжелателей и заплаканных родственников.

– Прошу прощения, – произнес он командным голосом, подождав, пока все глаза не обратились на него. – От имени Мелани и от себя лично я хочу поблагодарить вас, что пришли сегодня. Мы благодарны за ваши добрые слова и поддержку. Оставайтесь столько, сколько захотите.

И затем, к вящему удивлению пятидесяти человек, хорошо его знавших, Майкл Голд вышел из собственного дома.

В закрытом психиатрическом отделении было два времени для посещения: в половине десятого утра и в три часа дня. Матери Криса удавалось не только приходить по два раза в день, но и уговорить медсестер разрешить ей оставаться подольше, так что, возвращаясь в палату после беседы с психиатром или после душа в общей ванной комнате, Крис часто находил ожидающую мать.

Но, очнувшись в день похорон Эмили от медикаментозного ступора, он не увидел матери. Он не знал, потому ли

это, что она еще не пришла, или врачи запретили ее посещение после утреннего происшествия, или же она просто боялась показаться после того, как жестко с ним обошлась. Он заворочался в постели и потер лицо. Во рту у него все царапало, как от наждачной бумаги, в голове словно с жужжанием кружила муха.

Медсестра осторожно приоткрыла дверь:

– О-о, хорошо. Проснулся. К тебе посетитель.

Если пришла мать, чтобы рассказать о похоронах, он не хотел ее видеть. Он хотел знать все: какой был гроб, какие молитвы читали за упокой Эм, какую могилу вырыли для нее. Его мать наверняка не запомнила эти подробности, и лучше было совсем не слушать ее рассказ, чем пытаться заполнить в нем пробелы.

Но когда медсестра отошла в сторону, в палату вошел отец Эмили.

– Крис, – смущенно остановившись в футе от кровати, произнес он.

Крис почувствовал, как у него свело живот.

– Наверное, мне не следовало приходить, – сказал Майкл, сбросив пальто и принявшись мять его в руках. – В сущности, я знаю, что меня здесь не должно быть. – Он повесил пальто на спинку стула и засунул руки в карманы брюк. – Знаешь, сегодня мы похоронили Эм.

– Я слышал об этом, – ответил Крис и порадовался тому, как спокойно это произнес. – Я хотел пойти.

– Она была бы довольна, – кивнул Майкл.

– Они меня не пустили, – дрогнувшим голосом сказал Крис.

Он наклонил голову, чтобы Майкл не увидел его слез, так как интуитивно предполагал, что отец Эм, как и его собственный, расценит это как слабость.

– Не уверен, что так уж важно было присутствовать там сегодня. Наверное, ты был с Эм в самые важные моменты. – Майкл смотрел на Криса, пока тот не поднял глаза. – Скажи, – прошептал он, – скажи, что произошло в пятницу ночью.

Крис уставился на Майкла, пораженный не напором, с каким был задан вопрос, а тем, как в лице Майкла проявились черты Эм: его глаза были такими же ярко-голубыми, такой же волевой подбородок, за складками его рта пряталась ее улыбка. Крису легко было представить себе, что сейчас его спрашивает Эм, а не Майкл. «Скажи, – умоляла она влажными от его поцелуя губами, а по ее виску сбегала струйка крови. – Скажи, что произошло».

Он отвел взгляд:

– Я не знаю.

– Ты должен знать, – настаивал Майкл.

Он схватил Криса за подбородок, но почти сразу отпустил, ощутив удивительный юношеский жар, буквально обжигающий кончики пальцев. Майкл потратил минут пять на то, чтобы заставить Криса заговорить, выдать хоть какую-то

информацию, которую он мог бы спрятать в нагрудном кармане и унести с собой. Но, выйдя из палаты, Майкл знал наверняка только то, что Крис ни разу не посмотрел ему в глаза.

Энн-Мари Марроне закрыла за собой дверь своего кабинета, сбросила туфли и села читать присланный по факсу отчет о результатах вскрытия Эмили Голд. Она подогнула ноги под себя и закрыла глаза, нарочно освобождаясь от ненужных мыслей, которые могли бы предрешить то, что она собиралась прочесть.

Пациенткой была семнадцатилетняя белая женщина, поступившая в бессознательном состоянии после огнестрельной раны головы. Через несколько минут после поступления кровяное давление пациентки упало до 70/50. В 23:31 была зафиксирована смерть.

При макроскопическом обследовании были обнаружены ожоги от пороха вблизи входной раны на правом виске. Пуля прошла не навывлет, а сквозь височную и затылочную доли мозга и разрежала мозжечок, выйдя вблизи центра задней части черепа. В затылочной доле был найден фрагмент пули 45-го калибра. Раны соответствуют пуле 45-го калибра, выпущенной в череп в упор.

В целом смерть предполагала самоубийство, о котором говорил Кристофер Харт.

Читая вторую страницу отчета о результатах вскрытия,

Энн-Мари почувствовала, как волосы у нее на голове встают дыбом. При внешнем осмотре обнаружены синяки на правом запястье. Судмедэксперт обнаружил под ногтями Эмили чешуйки кожи.

Признаки борьбы.

Она поднялась из-за стола, думая о Крисе Харте. Она еще не получила отчета судебной экспертизы по кольцу, но это не имело значения. Револьвер был взят из дома Криса, на оружии повсюду будут его отпечатки. Оставалось посмотреть, будут ли там отпечатки Эмили.

Какая-то мысль крутилась у нее в голове, и Энн-Мари вернулась к первой странице отчета. Судмедэксперт только приблизительно описал входное и выходное отверстия пули, и это описание показалось Энн-Мари неубедительным. Изображая пистолет, она поднесла правую руку с вытянутым вперед пальцем к виску. Потом большим пальцем «нажала на спусковой крючок». Пуля должна была выйти около левого уха Эмили, а вместо этого вышла в задней части головы, в нескольких дюймах от правого уха.

Энн-Мари вывернула запястье, чтобы воображаемый пистолет указывал в нужную сторону. При этом пришлось поднять локоть и повернуть его под непривычным углом, и «револьвер» оказался почти параллельным виску – весьма неудобное и неестественное положение для выстрела себе в голову.

В то же время траектория пули была вполне оправданна,

если стрелявший стоял напротив вас.

Но зачем?

Она пролистала отчет до последней страницы и прочла об обследовании желчного пузыря, желудочно-кишечного тракта, репродуктивной системы. В какой-то момент у нее перехватило дыхание. Засунув ноги в туфли, Энн-Мари сняла трубку и набрала офис генерального прокурора штата.

– Миссис Голд, у меня есть результаты вскрытия вашей дочери, – сказала детектив по телефону. – Я бы хотела захватить к вам в удобное для вас время и показать их.

Мелани задумалась над этими словами. Что-то в просьбе детектива показалось ей не совсем обычным, и она поворачивала фразы так и сяк, пропуская через различные фильтры в своем сознании. Может быть, дело было в деликатности детектива, которой та не отличалась в прошлые разы, когда бесцеремонно вторгалась в их горе. Может быть, было просто непривычно слышать слова «вскрытие» и «ваша дочь» в одной короткой фразе.

Мелани и Майкл расположились на диване, широко открыв глаза и держась за руки, как беженцы. Детектив Марроне сидела напротив в кресле. На кофейном столике перед ними были разложены официальные отчеты с результатами вскрытия тела Эмили – последняя информация, которую она могла предоставить.

– Позвольте мне сразу перейти к делу, – начала детектив. –

У меня есть основание считать, что смерть вашей дочери последовала не от суицида.

Мелани почувствовала, как все ее тело обмякло, словно оставленное на солнце масло. Не на это ли она надеялась? Это освобождение от ответственности сотрудницей правоохранительных органов, которая словно говорила: «В этом не было вашей вины. Вы не замечали признаков того, что ваша дочь замышляет самоубийство, потому что ничего и не было».

– Штат Нью-Гэмпшир полагает, что существует достаточно улик для передачи этого дела на Большое жюри присяжных для вынесения обвинения в убийстве, – говорила детектив. – Независимо от того, примите ли вы, как родители Эмили, участие в этом, дело будет рассматриваться. Но я надеюсь, что вы, в случае необходимости, будете выполнять требования офиса генерального прокурора.

– Я не понимаю, – сказал Майкл. – Вы предполагаете...

– Что ваша дочь была убита, – не моргнув глазом, закончила детектив Марроне. – Скорее всего, Кристофером Хартом.

– Но он сказал, что Эмили застрелилась, – покачал головой Майкл. – Что они планировали покончить с собой.

– Я знаю, *что* он сказал, – более мягко откликнулась детектив. – Но ваша дочь сообщила нам кое-что другое. – Она взяла первую страницу отчета о результатах вскрытия, испещренную пометками и цифрами. – В двух словах, судмед-

эксперт подтвердил, что Эмили была убита выстрелом в голову из револьвера. Однако... – Она указала им на нижнюю часть страницы, где были подчеркнуты телесные свидетельства насилия и сопротивления Эмили.

– Погодите, – все так же качая головой, сказал Майкл. – Я в это не верю. Крис Харт не мог убить Эмили. Господи, они вместе выросли!

– Замолчи, Майкл! – сквозь стиснутые зубы произнесла Мелани.

Он повернулся к ней:

– Ты же знаешь, что я прав.

– Замолчи!

Майкл снова взглянул на детектива:

– Послушайте, я смотрю по телевизору передачи о законе. Я знаю, что бывают ошибки. И я знаю, что любая улика, обнаруженная вами в этом отчете, возможно, имеет логическое объяснение, которое не имеет никакого отношения к убийству. – Он медленно выдохнул. – Я знаю Криса, – тихо произнес он. – Если он сказал, что они с Эм собирались покончить с собой – хотя я не понимаю почему и меня это шокирует, – но я верю, что именно это они и собирались сделать. Он не стал бы лгать о чем-то столь мучительном.

– Мог и солгать, – откликнулась Энн-Мари, – если от этого зависела его жизнь.

– Детектив Марроне, не хочу вас задеть, но вы увидели этих детей три дня назад. А я знаю их с самого рождения, –

возразил Майкл.

У Майкла возникло четкое ощущение, что Энн-Мари Марроне окидывает его удивленным взглядом. Что это за отец, который ручается за парня, убившего его дочь?

– Вы говорите, что хорошо знаете Криса Харта, – заявила она.

– Так же хорошо, как знал свою дочь.

Детектив кивнула.

– Тогда вас не удивит, – невозмутимо произнесла она, открыв последнюю страницу отчета, – если я скажу вам, что Эмили была беременна.

– Одиннадцать недель, – вяло произнесла Мелани. – Она знала об этом два месяца. Я должна была догадаться. В ее списке покупок давно не было тампонов. – Мелани комкала в руках простыню. – Я не знала даже, что они вместе спали.

Майкл тоже не знал. После ухода детектива Марроне он воображал себе именно это. Не тот крошечный комочек жизни в теле Эмили, но то, благодаря чему он там появился: поглаживания и ласки, снимающие девический покров и обнажающие женщину, существования которой никто не хотел признавать.

– Вероятно, из-за этого они и ссорились, – пробормотала Мелани.

Майкл повернулся на бок и взглянул на жену. Ее расплывчатый профиль почти сливался с краем подушки, и он видел

ее неотчетливо.

– Кто?

– Крис с Эм, – ответила Мелани. – Наверняка он хотел, чтобы она избавилась от беременности.

Майкл пристально взглянул на жену:

– А ты не захотела бы? За год до ее поступления в колледж?

– Я хотела бы, чтобы она делала то, что считала нужным! – фыркнула Мелани.

– Ты лжешь! – возразил Майкл. – Просто говоришь это сейчас, потому что это не имеет значения. – Он приподнялся на локте. – Ты не знаешь даже, сказала ли она Крису.

Мелани села в постели.

– Что с тобой такое? – сердито прошептала она. – Твоя дочь умерла. Полиция считает, что ее убил Крис. А ты защищаешь его при каждом удобном случае.

Майкл отвел глаза. Нижняя простыня сморщилась, словно время нанесло урон брачной постели с такой же неотвратимостью, как лицу человека. Он тщетно пытался разгладить простыню.

– В похоронном бюро ты сказала, что все эти прихотливые атрибуты не помогут вернуть Эм. Что ж, если распинать Крису, это тоже не поможет. Как мне кажется, он единственное, что у нас осталось от нее. Не хочу смотреть, как его тоже хоронят.

Мелани посмотрела на него в упор:

– Я тебя не понимаю, – и, взяв свою подушку, выбежала из спальни.

Во вторник утром, когда солнце только-только взошло, Джеймс уже поднялся и оделся. Он стоял на пороге, зажав в руке стопку желтых постеров. Из рта у него вырывались облачка пара. Сезон охоты на оленей уже закончился, но Джеймс был преисполнен решимости. Наконец он разместит некоторые знаки, купленные много лет назад и забытые на чердаке. Заткнув молоток за ремень, он двинулся вдоль периметра своего участка, прислушиваясь к звону гвоздей в кармане.

У первого дерева рядом с подъездной дорожкой он вынул молоток и приколотил гвоздем первый знак. Потом перешел ко второму дереву, в нескольких футах от первого, и закрепил другой знак. На них значилось «Безопасная зона», и они предупреждали охотников о нахождении в трехстах футах от домовладения. О том, что шальная пуля может нанести ужасный вред.

Джеймс перешел к третьему дереву, потом к четвертому. В последний раз, когда он этим занимался, Крис был еще ребенком, а потому Джеймс развешивал знаки через каждые двадцать футов или около того. На этот раз он развешивал их на каждом дереве. Они шуршали на легком ветру – сотня желтых предупреждений, – яркие и неприлично праздничные на фоне темных стволов.

Джеймс вышел на дорогу, чтобы полюбоваться на свою работу. Он долго смотрел на знаки, размышляя об амулетах, красной нитке, защищающей от дурного глаза, об обычае евреев мазать кровью ягненка дверные косяки, спрашивая себя, от чего он, собственно, пытается защититься.

Тогда

1989 год

Крис устроился рядом с Эмили, их руки переплелись вокруг телефонной трубки.

– Ты трусишка, – сказал он, услышав в трубке длинный гудок.

– Нет, – прошептала Эмили.

Наконец трубку сняли, и Крис почувствовал, как над его запястьем затрепетали пальцы Эмили.

– Алло?

Эм понизила голос:

– Мне нужен мистер Лонгвангер¹.

– Прошу прощения, – сказала женщина. – Его сейчас нет. Передать ему что-нибудь?

Эм откашлялась:

– У него действительно есть это?

– Что есть? – спросила женщина.

– Длинный хрен?

После чего Эм брякнула трубку на рычаг и, перекатившись на бок, зашлась в приступе смеха, уронив на пол телефонную книгу.

Крис не сразу смог остановиться.

---

¹ Лонгвангер (англ. Longwanger) – длинный хрен. – Здесь и далее примеч. перев.

– Я не думал, что ты это сделаешь, – сказал он.

– Это потому, что ты деревенщина.

– По крайней мере, моя фамилия не Лонгвангер, – хмыкнул Крис и провел рукой по странице, на которой открылась упавшая телефонная книга. – Что там у нас дальше? – спросил он. – Вот Ричард Реслер. Можем спросить, живет ли у них в доме Дик².

Эмили хлопнулась на живот:

– Знаешь, позвони своей маме и скажи ей, что ты мистер Чемберс и что Крис попал в историю.

– Как будто она поверит, что я директор.

Эм медленно улыбнулась.

– Цып-цып-цып, – пропела она.

– Сделай сама, – подначивал Крис. – Она не узнает школьную секретаршу.

– Что ты мне за это дашь? – спросила Эмили.

Крис порылся в карманах:

– Пять долларов.

Эм протянула руку, он пожал ее и вручил Эм телефон.

Она набрала номер.

– Да-а, – зажав нос пальцами, протянула она. – Я говорю с миссис Харт? Это Филлис Рэй из кабинета директора. Ваш сын попал в историю. – Эмили в панике посмотрела на Криса. – Какую историю? Гм... Мы хотели бы, чтобы вы прие-

---

² Дик – уменьшительное имя от Ричарда, но в то же время означает половой член.

хали сюда и забрали его.

Она торопливо повесила трубку.

– Зачем ты это сделала? – простонал Крис. – Она поедет туда и выяснит, что я ушел час назад! Меня будут пилить всю оставшуюся жизнь.

Он запустил пальцы в волосы и упал на кровать Эмили.

Она примостилась рядом с ним, положив ему подбородок на плечо.

– Если так, – пробормотала она, – то я останусь с тобой.

Крис сидел с опущенной головой, родители стояли над ним, как часовые. Он пытался понять, в чем вообще смысл брака: один принимается кричать, когда голос другого затихает. Оба родителя напоминали великана с двумя головами.

– Ну, можешь сказать что-нибудь в свое оправдание? – раздраженно спросила мать.

– Извините меня, – автоматически ответил Крис.

– Твое извинение не оправдывает глупость, – вступил отец. – Извинение не вернет ту деловую встречу, которую маме пришлось отменить, когда она поехала за тобой в школу.

Крис открыл рот, чтобы сказать, что если бы она рассуждала логически, то поняла бы, что в это время детей в школе не было, но придержал язык. Он снова пригнул голову, уставившись на рисунок ковра и жалея о том, что, пока они с Эм занимались телефонными розыгрышами, он позабыл,

что его мать устраивается на новую работу. Но это произошло так быстро. И что это за работа – торчать в очередях вместо людей, не желающих тратить на это время?

– Я не ожидала такого от вас с Эмили, – сказала мать.

В этом не было ничего удивительного. Все всегда ожидали от него с Эмили большего, словно им всем был известен какой-то грандиозный план, а Крису с Эмили – нет. Иногда Крису хотелось заглянуть в конец книги, так сказать, и узнать, чем все это кончится, чтобы не пришлось делать что-то автоматически.

– После школы будешь три дня сидеть в своей комнате, – сказал отец. – Посмотрим, хватит ли у тебя времени подумать о том, скольким людям ты причинил неудобство своими милыми шуточками.

После этого мать с отцом, как один гигантский монстр, вышли из комнаты.

Крис кинулся на кровать и закрыл глаза руками. Господи, какие же они с Эм были дураки! Что, если его мать захочет поговорить с мистером Чембером, который, разумеется, ничего не знает о том, что Крис «попал в историю»? Никто не вспомнит, что было месяц тому назад.

Он раздвинул шторы на одном из окон, которые выходили на восток и смотрели прямо на спальню Эмили. Они не могли разглядеть друг друга, но им виден был хотя бы маленький прямоугольник света в окне. Крис знал, что Эмили тоже устраивают разнос, но не знал, где это происходит – в

ее комнате, на кухне или где-нибудь еще. Он уселся у лампы, стоящей у кровати, и выключил ее. Комната погрузилась во мрак. Затем снова включил. Выключил и включил. Четыре длинных промежутка темноты и три коротких – света.

Крис поднялся и стал ждать у окна. В комнате Эмили маленький желтый прямоугольник, обрамленный ветвями деревьев, потух. Потом снова зажегся.

Они научились азбуке Морзе прошлым летом в лагере. Окно комнаты Эмили продолжало мигать. П...Р...И...В...Е...Т.

Крис снова принялся включать и выключать лампу. К...А...К...П...Л...О...Х...О.

Окно Эмили погасло дважды.

Крис просигналил три раза.

Улыбнувшись, он снова лег на кровать, глядя, как слова Эмили освещают ночь.

В коридоре Гас и Джеймс привалились к стене, стараясь не смеяться.

– Представляешь, – задыхалась Гас, – они позвонили человеку по фамилии Лонгвангер?

– Не знаю, смог бы я сам сдержаться, – ухмыльнулся Джеймс.

– Я чувствую себя как старперша, которая кричит на него. Мне тридцать восемь, и я могла бы быть Джесси Хелмс.

– Придется его наказать, Гас. А иначе он будет обзвани-

вать всю округу, спрашивая принца Альберта в жестянке.

– Что такое принц Альберт в жестянке?

Джеймс со стоном потащил жену по коридору:

– Ты никогда не станешь старпершей, поскольку этот титул будет принадлежать мне.

Гас вошла в их спальню.

– Хорошо. Ты можешь быть старым ворчуном. А я буду сумасшедшей старухой, которая вламывается в кабинет директора, твердя, что ее сын что-то натворил.

– Они тебя достали, верно? – рассмеялся Джеймс.

Она бросила в него подушку.

Джеймс схватил ее за лодыжку, и Гас с визгом упала на кровать и откатилась от него.

– Не надо было этого делать, – сказал он. – Может быть, я и старый, но пока живой.

Он подмял ее под себя, чувствуя, как обмякает ее тело, ощущая очертания ее груди и биение жилки на шее. Потом прижался губами к ее рту.

Гас невольно вспомнила, как здесь было более десяти лет назад, когда дом еще пах распиленной древесиной и свежей краской, а свободное время воспринималось как подарок от администрации больницы. Она вспомнила, как они с Джеймсом занимались любовью после завтрака на кухонном столе, в кладовке, как будто статус жителя этой страны выбил из его головы всю уязвимость потомков первых переселенцев.

– Ты слишком много думаешь, – прошептал ей на ухо

Джеймс.

Гас улыбнулась ему в шею. Ее редко в этом обвиняли.

– Может быть, тогда мне надо просто чувствовать, – сказала она, просовывая руки под рубашку Джеймса и чувствуя, как волнообразно напрягаются мышцы у него на спине.

Она подтолкнула его на бок, расстегнула молнию на его брюках и взяла в руки пенис.

Потом взглянула на Джеймса сверкающими глазами:

– Полагаю, мистер Лонгвангер?

– К вашим услугам, – ухмыльнулся Джеймс.

Когда он вошел в нее, у Гас перехватило дыхание, и потом она уже ни о чем не думала.

Дорогой дневник!

У морской свинки из живого уголка родились дети.

Сегодня Мона Риплинг сказала мне, что во время урока физкультуры целовалась с Кенни Лоренсом за стенными матами. А это классно, потому что все знают, что Кенни – самый крутой из всех мальчишек четвертого класса.

Не считая Криса, но Крис не похож на других мальчиков.

Для доклада по книге Крис читает автобиографию Мухаммеда Али. Он спросил меня, что я делаю, и я начала рассказывать ему о Ланселоте, Гвиневре и короле Артуре, но скоро замолчала. Возможно, он хотел узнать о рыцарях, а эти куски я пропускала.

Лучшие главы – это те, где Гвиневра проводит время с

Ланселотом. У него темные волосы и темные глаза. Он помог ей сойти с лошади и назвал МИЛЕДИ. Готова поспорить, что он обращался с ней как мама с пасхальным яйцом – никого даже близко не подпускает. Король Артур – старик и придурок. Гвиневре надо просто убежать с Ланселотом, потому что она любит его и потому что они созданы друг для друга.

По-моему, это очень романтично.

Если Крис узнает, что я помешана на сказках, то я этого не переживу.

На той же неделе Крис на спор с Эмили украл в библиотеке «Радость секса».

Сначала он спрятал книгу под пальто, а около дома – в их тайнике. Этот валун напоминал по форме перевернутый прямоугольный треугольник – широкая каменная плита с выступом наверху, на который можно было усесться или, сжавшись, спрятаться под ним, в зависимости от воображения. В разные моменты их детства валун становился «домом» при игре в прятки, пиратской пещерой, укрытием для индейцев. Крис смахнул на землю мягкие сосновые иглы и уселся рядом с Эмили.

С минуту, наклонив головы и всматриваясь в рисунки с изображением переплетенных ног и сжатых рук, ни один не произнес ни слова. Эмили провела пальцем по контуру мужской фигуры, склонившейся над женской.

– Не понимаю, – прошептала она. – Не вижу в этом ничего радостного.

– Должно быть по-другому, когда действительно этим занимаешься, – откликнулся Крис и перевернул страницу. – Ух ты! Это похоже на гимнастику.

Эмили пролистала книгу в начало и остановилась на странице, где была показана женщина, лежащая на мужчине, вытянувшись по всей его длине, с сомкнутыми над головой руками.

– Подумаешь! – бросил Крис. – Мы так с тобой играли на пляже.

Но Эмили не слушала его. Она с интересом рассматривала следующую картинку, где мужчина и женщина сидели, повернувшись друг к другу, раскинув ноги, как два краба, и держась для опоры за плечи друг друга. Их тела вместе напоминали большую чашу, словно главным мотивом занятий сексом было создание нечто такого, что вмещало бы все чувства, испытываемые ими друг к другу.

– Наверное, когда любишь кого-то, все должно быть по-другому, – рассудила Эмили.

– Наверное, – пожал плечами Крис.

Гас меняла простыни на кровати Криса, когда обнаружила «Радость секса», спрятанную под матрасом.

Она взяла книгу и пролистала страницы, находя позиции, о существовании которых давно позабыла. Потом, прижав

книгу к груди, она направилась к Голдам.

Дверь открыла Мелани с кружкой кофе в руке и взяла книгу, которую без слов протянула ей Гас.

— Что ж, — взглянув на обложку, сказала она. — Это точно выходит за рамки соседского долга.

— Ему всего девять! — взорвалась Гас, уронив на пол куртку и опускаясь в кресло. — Девятилетние должны думать о бейсболе, а не о сексе.

— Думаю, эти вещи в чем-то похожи, — предположила Мелани. — Знаешь, доходишь до первой базы, потом до второй, и все такое.

— Кто позволил ему взять это в библиотеке?! — повернувшись к подруге, возмутилась Гас. — Какой взрослый позволяет ребенку нечто подобное?

Мелани рассмотрела заднюю обложку книги.

— Никто, — ответила она. — Эта книга не зарегистрирована. Гас спрятала лицо в ладонях:

— Отлично! Он извращенец и вор.

Дверь кухни распахнулась, и вошел Майкл с большой коробкой ветеринарных принадлежностей.

— Дамы, — опустив коробку на пол, приветствовал он. — Что случилось? — Заглянув Мелани через плечо, он с ухмылкой взял у нее книгу. — Ух ты! — хохотнул он, пролистывая страницы. — Я это помню.

— И тебе было девять, когда ты это читал? — спросила Гас.

— Можно я не буду отвечать? — рассмеялся Майкл.

Мелани удивленно повернулась к нему:

– Тебя в таком юном возрасте интересовали девочки?

Он поцеловал ее в макушку:

– Не начини я рано, из меня бы не вышел такой секси-бой, как сейчас. – Он уселся на стул напротив Гас и подтолкнул к ней книгу. – Дай угадаю. Ты нашла ее под матрасом. Именно там я прятал «Пентхаус».

Гас потерла виски:

– Если мы снова его накажем, то к нам скоро пожалует Служба защиты детей. – У нее был несчастный вид. – Может быть, и не надо его наказывать. Может, он просто ищет ответы на вопросы о девочках.

Майкл поднял брови:

– Когда он их найдет, скажи ему, чтобы пришел ко мне поговорить.

– Не знаю, что бы я делала на твоём месте, – сочувственно вздохнула Мелани.

– Кто говорит, что ты не на моём месте? – возразила Гас. – Почему ты думаешь, что Эм в этом не участвует? Все, что делают эти двое, они делают вместе. – Она взглянула на Майкла. – Может быть, Эм – тайный лидер.

– Ей всего девять лет, – обескураженный этой мыслью, сказал он.

– Вот именно, – откликнулась Гас.

Гас подождала, пока из комнаты сына не перестанет доно-

ситься шум от разгрома. Тогда она постучала в дверь, а когда открыла, в нее полетели предметы одежды, боксерские перчатки, хоккейные клюшки и ругань.

– Привет, – весело произнесла она. – Потерял что-нибудь? – Она видела, как лицо сына багровеет все больше, а потому протянула книгу и спросила: – Ты это потерял?

– Это не то, что ты думаешь! – не задумываясь выпалил Крис, и Гас была поражена.

Когда он успел научиться так легко врать?

– А что я должна была подумать?

– Что я читал то, что мне нельзя.

Гас опустилась на его кровать:

– Ты спрашиваешь меня или рассказываешь? – Она смягчила голос, поглаживая ладонью обложку книги. – Что заставляет тебя думать, что тебе нельзя ее читать?

– Не знаю, – пожал плечами Крис. – Голые на картинках и все такое.

– Ты поэтому хотел прочесть книгу?

– Наверное, – ответил Крис с таким несчастным видом, что она почти – почти – пожалела его. – В тот момент это казалось мне хорошей идеей.

Гас уставилась на макушку сына, вспомнив, как во время родов акушерка держала зеркало между ее ног, чтобы Гас смогла увидеть, как появляется темная и пушистая головка младенца.

– Мы можем просто об этом забыть? – попросил Крис.

Ей хотелось простить его – такого тихого, устроившегося рядом с ней на кровати. Но она случайно взглянула на его руки, сжимавшие костлявые колени. Они больше не были младенчески пухлыми, как надувные шарики с пальцами на параде в День благодарения. В какой-то момент – и Гас даже не успела этого заметить – они стали мужскими жилистыми руками с голубыми венами, почти как у Джеймса.

Гас откашлялась, осознавая, что этот сидящий рядом с ней мальчик, чье лицо она узнала бы даже на ощупь, чей голос назвал ее мамой раньше любого другого слова, кажется ей незнакомым. Этот кто-то, услышав слово «женщина», перестал думать о чертах Гас и материнских объятиях, а стал думать о безликой девушке с грудями и пухлыми губами.

Когда это произошло?

– Если у тебя появятся вопросы... знаешь... об этом, всегда можешь спросить у отца или у меня, – выдавила из себя Гас, моля Бога, чтобы сын обратился к Джеймсу.

Она понять не могла, что заставило ее в первую очередь противостоять Крису. В тот момент неясно было, кто из них больше смущен.

– Да, конечно. – Крис опустил взгляд на свои колени, переплетя руки. – Некоторые вещи в этой книжке... ну... – Он поднял глаза. – Непохоже на то, что они работают.

Гас дотронулась до волос сына.

– Если бы они не работали, – просто сказала она, – у нас не было бы тебя.

Эмили и Крис сидели на ее кровати под одеялом, как в шатре, и зажимали голыми ступнями фонарик. Родители Криса отправились на какой-то благотворительный больничный бал и попросили Голдов присмотреть за ним и его сестрой. Кейт, приняв ванну, пошла спать, а Крис с Эмили планировали лечь спать после полуночи. Мелани уложила их до девяти часов и попросила выключить свет, но они понимали, что если не будут шуметь, то никто ничего не услышит.

– Ну что? – торопил Крис. – Правда или действие?

– Правда, – ответила Эмили. – Самое ужасное, что я сделала в жизни... это когда позвонила твоей маме и представилась секретаршей директора.

– Это не правда. Ты забыла тот раз, когда ты пролила смывку лака для ногтей на мамин комод и обвинила в этом Кейт.

– Я сделала это только потому, что ты мне так велел, – сердито прошипела Эмили. – Ты сказал, она ничего не узнает. – Эмили нахмурилась. – Во всяком случае, если ты знал самое плохое, что я сделала, зачем тогда спрашивал?

– Ладно. Спрошу тебя о другом. Прочитай, что ты написала в своем дневнике, пока я чистил зубы.

У Эмили перехватило дыхание.

– Действие.

В свете фонарика блеснули белые зубы Криса.

– Прoberись в ванную родителей, – сказал он. – И принеси

их зубные щетки, чтобы я знал, что ты это сделала.

– Хорошо, – согласилась Эмили, откидывая одеяло.

Ее родители легли спать полчаса назад. Наверняка они уже спят.

В ту же минуту, как она ушла, Крис уставился на маленькую записную книжку с узорчатой обложкой, в которой Эмили каждый вечер изливала душу. На книжке был замочек, но Крис сумел открыть его. Прикоснувшись к задней обложке дневника, он тут же отдернул руку, у него горела ладонь. Струсил ли он, поскольку знал, что Эмили не захочет, чтобы он читал ее дневник? Или он испугался того, что мог прогнать?

Он потряс книжку, и она открылась. Его имя мелькало там и сям. Он широко открыл глаза от удивления, но быстро положил книжку на письменный стол и лег в постель, не сомневаясь, что вина написана прямо у него на лбу.

– Вот, – затаив дыхание и заползая в кровать, сказала Эм. Она протянула ему две зубные щетки. – Твоя очередь. – Она подогнула под себя ноги. – Кто самая хорошенькая девочка в пятом классе?

Ну, это и ежу было понятно. Эмили ожидала, что он назовет Молли Этлсли, единственную пятиклассницу, которой нужен был лифчик. Но Крис знал, что, назови он Молли, Эмили обидится, потому что считалось, что он ее лучший друг.

Он скосил глаза на дневник. Неужели Эм действительно

считает его рыцарем?

– Действие, – пробормотал он.

– Ладно.

Не успев толком подумать, Эмили сказала Крису, что он должен ее поцеловать.

Он вылез из-под одеяла:

– Я... что?

– Ты меня слышал, – нахмурилась Эм. – Это не так плохо, как пробираться в ванную моих родителей.

У него вдруг вспотели ладони, и он вытер их о пижамные штаны.

– Хорошо. – Он наклонился вперед и прижался губами к ее рту, потом отодвинулся, покраснев, как и Эмили. – Знаешь, – заявил он, вытирая губы тыльной стороной ладони, – это довольно противно.

Эм дотронулась рукой до подбородка.

– Точно, – прошептала она.

Единственный «Макдоналдс» в Бейнбридже, штат Нью-Гэмпшир, обслуживался постоянно меняющейся командой тинейджеров, которые трудились над засаленными грилями и кастрюлями с маслом до окончания школы или колледжа. Но в течение нескольких лет один человек работал здесь постоянно. Ему было около тридцати, длинные черные волосы и бельмо на глазу. Взрослые деликатно говорили, что «с ним что-то не так». Дети называли его Слизняком, придумывая

истории о том, что он жарит младенцев во фритюрнице и чистит ногти ножом. В тот день, когда Крис с Эмили пришли сюда на ланч, Слизняк убирался в обеденном зале.

Родители Криса появились в доме Голдов днем. Его мать спикировала как ястреб, поцеловав сына в лоб. Посплетничав с матерью Эмили о том, кто во что был одет на прошлой вечеринке, Гас предложила взять Эмили с ними в «Макдоналдс» на ланч в знак благодарности за то, что Мелани сидела с детьми. Они отнесли свои подносы в обеденный зал, но каждый раз, как Эмили поворачивалась, Слизняк был рядом с ней, позади или же прямо перед ней, вытирая стол и глядя на нее единственным глазом.

Крис сел рядом с ней на банкетку и прошептал:

– По-моему, он твой тайный поклонник.

– Перестань. – Эм вздрогнула. – Ты меня пугаешь.

– Может, он попросит у тебя номер телефона, – продолжал Крис. – Может, он...

– Крис! – хлопнув его по руке, воскликнула Эмили.

– Что происходит? – спросила Гас.

– Ничего, – в один голос ответили дети.

Эмили смотрела, как Слизняк ходит вокруг, подбирая с пола контейнеры от кетчупа и вытирая лужи от пролитой колы. словно почувствовав на себе ее взгляд, он поднял на нее глаза, и она тотчас же уставилась на свой гамбургер.

Вдруг Крис наклонился к ней и снова что-то зашептал, горячо дыша ей в ухо.

– Решительное действие, – сказал он.

Решительное действие – это поступок, сильно возвышающий тебя в глазах другого человека. Не то чтобы они вели счет, но если бы вели, то это действие вывело бы Эм в лидеры. Она подумала, что, наверное, таким образом Крис хочет отплатить ей за вчерашний поцелуй.

Последнее решительное действие придумала Эмили. Крису пришлось тогда выставить из окна автобуса на обозрение всей улице свой голый зад.

Эмили кивнула.

– Иди пописай, – прошептал Крис. – В мужской туалет.

Эмили улыбнулась. Это был в целом нормальный поступок. Выставлять из окна голый зад гораздо хуже. Если там кто-нибудь будет, она скажет, что ошиблась, и выйдет. Крис так и не узнает, была ли она на самом деле в туалете. Сначала она оглянулась по сторонам – нет ли поблизости Слизняка, – потому что не хотела столкнуться с ним. Но его не было видно в обеденном зале. Вероятно, он приступил к смене по изготовлению бургеров. Когда она встала из-за стола, на нее взглянули Джеймс и Гас.

– Мне нужно в туалет, – объяснила она.

Гас вытерла рот салфеткой.

– Я тебя провожу, – сказала она.

– Нет! – воскликнула Эм. – То есть я могу сама.

– Мелани отпускает тебя одну? – с сомнением спросила Гас.

Эмили посмотрела ей в глаза и кивнула. Гас повернулась к Джеймсу, но тот пожал плечами:

– Это Бейнбридж. Что тут может случиться?

Гас смотрела, как Эмили пробирается через лабиринт столов и стульев к туалетам в задней части «Макдоналдса», потом переключила внимание на Кейт, которая размазывала по столу кетчуп.

Мужской туалет был слева, женский – справа. Эмили оглянулась на Криса – смотрит ли он – и вошла внутрь.

Меньше чем через пять минут она проскользнула на сиденье рядом с Крисом.

– Хорошая работа, – прикоснувшись к ее руке, сказал он.

– Пустяки, – пробормотала Эмили.

– Да ну? – прошептал он. – Тогда почему ты дрожишь?

– Да ерунда, – пожав плечами и не глядя на него, ответила она.

Она не спеша съела гамбургер, вкуса которого уже не чувствовала, и постепенно убедила себя, что сказала ему правду.

Сейчас

Ноябрь 1997 года

С. Барретт Дилейни провела бо́льшую часть своей взрослой жизни, пытаясь исправить тот факт, что она юрист по имени Сю³. Уже много лет она не пользовалась своим именем для подписи, но каким-то образом это слово всегда вылезало. Какой-нибудь шутник из кадровой службы решил повеселиться, компания кредитных карт запросила ее имя из свидетельства о рождении, кто-то увидел ее выпускной школьный альбом. На протяжении многих месяцев ей приходилось убеждать себя, что она стала прокурором, а не адвокатом защиты из любви к справедливости, а не из-за неуверенности в себе.

Она взглянула на настенные часы, поняла, что опаздывает, и заспешила по коридору в кафетерий. За угловым столиком уже сидела Энн-Мари Марроне с двумя пластиковыми стаканчиками. Детектив подняла глаза, когда Барретт проскользнула на стул напротив.

– Твой кофе почти остыл.

Лучшим в Энн-Мари было то, что она знала С. Барретт Дилейни еще в те времена, когда С. Барретт Дилейни звали

---

³ Сю (Sue) в переводе с английского означает «предъявлять иск, подавать в суд».

Сью, и все же Энн-Мари никогда ее так не называла. Они вместе посещали католический колледж в Конкорде. Энн-Мари пошла работать в правоохранительные органы, Барри удовольствовалась юриспруденцией.

– Итак, – сказала Барри, одновременно снимая крышку со стаканчика с кофе и открывая папку с полицейскими рапортами, отчетом о результатах аутопсии Эмили Голд и записями Энн-Мари о Крисе Харте. – Это все?

– Пока все, – ответила Энн-Мари, отхлебнув кофе. – Думаю, ты получила дело.

– У нас всегда есть дело, – пробурчала Барри, углубляясь в изучение улик. – Вопрос в том, хорошее ли это дело? – Прочтя несколько первых строк отчета о результатах аутопсии, она подалась вперед, теребя пальцами золотой крестик, висящий у нее на шее. – Расскажи то, что знаешь, – попросила она.

– После звука выстрела вызвали полицию. Полицейские обнаружили девушку без признаков жизни и парня в состоянии шока с сильным кровотечением из раны на голове.

– Где было оружие?

– На карусели, где они сидели. Был найден алкоголь, бутылка «Канадиан клаба». Была выпущена одна пуля, другая оставалась в револьвере. Баллистическая экспертиза показала, что пуля выпущена из этого оружия. У нас пока нет отпечатков. – Она вытерла губы салфеткой. – Когда я опрашивала парня...

– Перед этим, – вмешалась Барри, – ты, конечно, зачитала ему его права...

– Ну, фактически... – Энн-Мари скривилась. – Не слово в слово. Но мне надо было попасть туда, Барри. Парня только что привезли из отделения скорой помощи, и его родители совершенно не хотели меня видеть.

– Продолжай, – попросила Барри, дослушала рассказ Энн-Мари до конца, потом взяла оставшиеся в папке страницы и, просмотрев их, наконец пробормотала: – Хорошо. Вот что я думаю. – Она взглянула на подругу. – Чтобы выдвинуть обвинение в убийстве первой степени, необходимо выявить преднамеренность и умысел. Был ли это преднамеренный поступок? Да. В противном случае он не стал бы брать из дома оружие. Человек не держит при себе антикварный кольт как запасную связку ключей. Подумал ли он хотя бы на минуту об убийстве девушки? Очевидно – поскольку взял из дома оружие за несколько часов до этого. Был ли это умышленный поступок? Предполагая, что все это время его намерением было убийство девушки, тогда да – он выполнил свой план.

Энн-Мари сжала губы:

– Его алиби состоит в том, что это было двойное самоубийство, которое сорвалось, потому что он не успел выстрелить.

– Ну, это доказывает его сообразительность и способность думать на ходу. Прекрасное объяснение. Просто он забыл о

результатах судебно-медицинской экспертизы.

– Что ты думаешь об обвинении в сексуальном насилии?

Барри пролистала записи детектива:

– Сомневаюсь. Во-первых, она беременна, значит они занимались сексом раньше. А если они уже занимались сексом, то будет трудно выдвинуть обвинение в изнасиловании. Мы можем все же использовать улики в виде признаков борьбы. – Она подняла взгляд. – Мне надо, чтобы ты снова его допросила.

– Десять против одного, что у него будет адвокат.

– Попробуй разузнать что-нибудь еще, – настаивала Барри. – Если он не станет говорить, расспроси родных и соседей. Не хочу действовать сгоряча. Нам надо узнать, понимал ли он, что девушка беременна. Нам надо знать предысторию отношений между детьми. Были ли у них случаи жестокого обращения друг с другом? И еще необходимо выяснить, была ли у Эмили Голд склонность к суициду.

Энн-Мари, делая пометки в своем блокноте, подняла глаза:

– Что ты собираешься делать, пока я буду надрываться на работе?

Барри улыбнулась:

– Вынесу это на Большое жюри.

В тот момент, когда Мелани открыла дверь, Гас просунула в дверь руку с банкой черных оливок без косточек.

– Я не успела позавтракать, – сказала она, но Мелани попыталась захлопнуть дверь.

Гас, полная решимости, протиснула плечо в узкое пространство, потом влезла целиком и оказалась на кухне напротив Мелани.

– Прошу тебя, – тихо произнесла Гас. – Я знаю, тебе больно. Мне тоже. И меня убивает то, что мы не можем горевать вместе.

Мелани крепко обхватила себя руками, и Гас подумала, что подруга может раздавить себя.

– Мне нечего тебе сказать, – натянуто произнесла Мелани.

– Господи, Мел, мне так жаль! – У Гас глаза блестели от слез. – Ужасно жаль, что это случилось, и я очень тебе сочувствую. Прости, что я не знаю, что сказать и как помочь.

– Самое лучшее для тебя – уйти.

– Мел, – протягивая к ней руку, взмолилась Гас.

Мелани буквально передернуло.

– Не трогай меня, – сказала она дрожащим голосом.

Гас в изумлении отпрянула:

– Я... Прости. Я приду завтра.

– Я не хочу, чтобы ты приходила завтра. Не хочу, чтобы ты вообще приходила. – Мелани глубоко вздохнула. – Твой сын убил мою дочь, – произнесла она, отчеканивая каждое слово.

Гас почувствовала, как что-то обожгло ее под ребрами и жар быстро распространился дальше.

– Крис сказал тебе и полицейским тоже, что они собирались покончить жизнь самоубийством. Ладно, допустим, я не знала, что они... ну, ты понимаешь. Но раз Крис говорит, я ему верю.

– Еще бы! – заявила Мелани.

Гас прищурилась:

– Послушай, ведь Крис после всего не в лучшем виде. Ему наложили семьдесят швов, и он провел три дня в психиатрическом отделении. Он рассказал полиции о случившемся, когда еще был в шоке. Какой смысл ему было врать?

Мелани открыто рассмеялась:

– Ты слышишь себя, Гас? Какой смысл ему было врать?

– Просто ты не хочешь поверить, что твоя дочь могла задумать самоубийство, а ты об этом ничего не знала, – возразила Гас. – Хотя у вас с ней были прекрасные отношения.

Мелани покачала головой:

– В противоположность тебе? Ты в состоянии примириться с ролью матери склонного к суициду подростка, но не примиришься с ролью матери убийцы.

С языка у Гас готовы были сорваться возмущенные реплики, обжигающие гортань. Не сомневаясь в том, что этот гнев спалит ее заживо, Гас оттолкнула Мелани и выскочила за дверь. Гас бежала домой, жадно вдыхая холодный воздух и пытаясь не думать о том, что Мелани воспримет ее побег как поражение.

– Я чувствую себя по-дурацки, – сказал Крис.

Его посадили в маленькое кресло на колесах, и колени едва не упирались ему в подбородок, но только в таком виде Крису позволили покинуть больницу. Отныне дважды в неделю он должен будет появляться в больнице в этом дурацком приспособлении для инвалидов с бумажкой, на которой напечатана фамилия его психиатра.

– Такие здесь порядки, – объяснила мать, как будто ему было до этого дело, и вошла в лифт вместе с санитаром, толкавшим кресло. – К тому же через пять минут мы выйдем из больницы.

– Пять минут – это слишком долго, – пробурчал Крис, и мама положила ладонь ему на голову:

– По-моему, тебе уже лучше.

Мать заговорила о том, что у них будет на обед и кто звонил, спрашивая о нем, и думает ли он, что в этом году снег выпадет перед Днем благодарения. Стиснув зубы, Крис старался ее не слушать. Ему хотелось бы сказать вот что: «Не надо пытаться делать вид, будто ничего не случилось. Потому что случилось и нельзя вернуться к тому, что было раньше».

Вместо этого он взглянул на нее, когда она дотронулась да его лица, и выдавил из себя улыбку.

Она обхватила его за талию, и санитар ссадил его с коляски в вестибюле.

– Спасибо, – поблагодарила Гас санитар и вместе с Кри-

сом пошла к раздвижным стеклянным дверям.

Снаружи был чудесный воздух. Он вливался в его легкие мощной свежей струей.

– Пойду за машиной, – сказала мать, а Крис прислонился к кирпичной стене больницы.

Вдали, за шоссе, он увидел плавные очертания гор и на минуту закрыл глаза, припоминая их.

Услышав свое имя, он вздрогнул. Перед ним стояла детектив Марроне, загораживая этот красивый вид.

– Крис! – повторила она. – Ты не против прийти в полицейский участок?

Криса не арестовывали, но его родители все равно были против.

– Я лишь собираюсь рассказать ей правду, – уверял их Крис, но его мать была на грани обморока, а отец помчался искать адвоката, который встретил бы их в участке.

Детектив Марроне указала, что в семнадцать лет Крис может сам распоряжаться своим юридическим представительством и должен доверять ей. Вслед за ней он прошел по узкому коридору в небольшую комнату для переговоров, где на столе стоял магнитофон.

Она зачитала ему правило Миранды, которое он знал из школьного курса, и включила магнитофон.

– Крис, – начала она, – я бы хотела, чтобы ты как можно более подробно рассказал о том, что случилось вечером

седьмого ноября.

Крис сложил руки на столе и откашлялся.

– Мы с Эмили договорились в школе, что я заеду за ней в полвосьмого.

– У тебя есть своя машина?

– Угу. Знаете, она стояла там, когда приехали копы. Зеленый джип.

– Продолжай, – кивнула детектив Марроне.

– Мы привезли кое-что выпить...

– Кое-что?

– Алкоголь.

– Мы?

– Я привез.

– Зачем?

Крис заерзал. Может быть, ему не следовало отвечать на все эти вопросы. Детектив Марроне как будто поняла, что слишком настойчива, и спросила о чем-то другом.

– Ты знал, что Эмили хотела покончить с собой?

– Да, – ответил Крис. – Она разработала план.

– Расскажи об этом плане, – настаивала детектив Марроне. – Это было как у Ромео и Джульетты?

– Нет. Просто то, что хотела Эмили.

– Она хотела убить себя?

– Да, – ответил Крис.

– А что потом?

– Потом я собирался убить себя.

– В какое время ты заехал за ней?

– В полвосьмого, – ответил Крис. – Я уже сказал.

– Верно. А Эмили говорила кому-нибудь еще, что собирается покончить с собой?

– Не думаю, – пожал плечами Крис.

– А ты говорил кому-нибудь?

– Нет.

Детектив положила ногу на ногу:

– Почему нет?

Крис уставился на свои колени:

– Эмили уже знала. Мне было наплевать, если узнает кто-то еще.

– И что она тебе рассказала?

Он принялся водить по столу ногтем большого пальца.

– Она все повторяла, что хочет оставить все так, как есть, и чтобы ничего не менялось. Говоря о будущем, она сильно нервничала. Однажды она сказала мне, что видит себя такой, какая она сейчас, и знает также, какой жизнью хочет жить – дети, муж, пригород и все такое, – но не понимает, как попасть из точки А в точку В.

– Ты тоже это чувствовал?

– Иногда, – тихо произнес Крис. – Особенно когда думал о том, что она умрет. – Он покусывал нижнюю губу. – Что-то мучило Эм. Что-то, о чем она не могла сказать даже мне. Время от времени, когда мы... когда мы... – У него перехватило горло, и он отвел взгляд. – Можно на минуту прервать-

ся?

Детектив бесстрастно выключила магнитофон. Когда Крис кивнул с покрасневшими глазами, она вновь нажала клавишу.

– Ты пытался отговорить ее от этого?

– Угу, – кивнул Крис. – Тысячу раз.

– В тот вечер?

– И раньше.

– Куда вы поехали в тот вечер?

– На карусель. Около старой ярмарочной площади, где сейчас детский парк. Я там работал.

– Это ты выбрал место?

– Эмили выбрала.

– Когда вы приехали?

– Около восьми, – ответил Крис.

– После того как остановились пообедать?

– Мы не обедали вместе, – сказал Крис. – Мы поели дома.

– Что ты сделал потом?

Крис медленно выдохнул:

– Я вышел из машины и открыл дверь для Эм. Мы взяли с собой на карусель бутылку «Канадиан клаба» и уселись на одну из скамеек.

– В тот вечер вы занимались с Эмили любовью?

Крис прищурил глаза:

– По-моему, это не ваше дело.

– Все это, – ответила детектив Марроне, – мое дело. Ну

так занимались?

Крис кивнул, а детектив указала на магнитофон.

– Занимались, – тихо произнес он.

– По обоюдному согласию?

– Да, – сквозь стиснутые зубы выдавил из себя Крис.

– Точно?

Крис положил ладони на стол:

– Я там был.

– Ты показал ей револьвер до или после секса?

– Не помню. По-моему, после.

– Но она знала, что ты взял оружие?

– Это была ее идея.

Детектив кивнула:

– Была ли особая причина, почему ты привез Эмили на карусель, чтобы она покончила с собой?

Крис нахмурился.

– Эмили хотела поехать туда, – ответил он.

– Это был выбор Эмили?

– Угу. Но мы не сразу договорились об этом.

– Почему карусель?

– Эмили всегда там нравилось. Пожалуй, мне тоже.

– Итак, вы сели на карусель, выпили, посмотрели, как садится солнце, занялись сексом...

Крис помедлил, потом протянул руку и выключил магнитофон.

– Солнце уже село. Было восемь часов, – тихо произнес

он. – Я вам это говорил. – Он посмотрел детективу в глаза. – Вы мне не верите?

Энн-Мари открыла крышку магнитофона и извлекла пленку, не отводя взгляда от Криса.

– А я должна верить? – спросила она.

Во вторник после обеда, вопреки всеобщим протестам, Мелани вернулась на работу. Это был день с часом сказки, и в библиотеке собралось много молодых мам, которые в этот момент запихивали детей в зимнюю одежду, но, когда вошла Мелани, они молча расступились, дав ей пройти в комнату персонала в задней части библиотеки. Снимая пальто, Мелани думала о том, на самом деле весть о смерти Эмили распространилась так быстро, или сработала интуиция – какой-то запах, исходящий от кожи Мелани, либо возмущение электрического поля вокруг нее предупредили других матерей: «Вот мать, не сумевшая уберечь своего ребенка».

– Мелани, – слышался тихий голос, и, обернувшись, она увидела Роуз, свою заместительницу. – Никто не ожидал, что ты придешь.

– Я прихожу сюда уже семнадцать лет, – негромко откликнулась Мелани. – Это место для меня самое комфортное.

– Ну да. – Похоже, Роуз не знала, что сказать. – Как ты справляешься, милая?

Мелани чуть отодвинулась.

– Я здесь, – сказала она, – разве нет?

Она подошла к стойке и с некоторым волнением уселась в кресло главного библиотекаря. Что, если оно тоже вдруг покажется незнакомым? Но нет, оно все так же «облегало» ее зад, только в правое бедро снизу врезалась какая-то железа-ка. Мелани положила руки на стол и стала ждать.

Все, что ей сейчас было нужно, – один читатель с запросом, и это ее исцелит. Она вновь станет полезной.

Она приветливо улыбнулась двум студентам, которые, кивнув ей, прошли в зал периодики. Потом она скинула туфли-лодочки, потерлась ступнями в чулках о хромированные ножки вращающегося кресла и снова надела туфли. После чего набрала в поисковой строке компьютера, просто для практики: «Судебный процесс над салемянскими ведьмами. Малахит. Королева Елизавета».

– Прошу прощения.

Мелани подняла голову и увидела по другую сторону стойки женщину примерно одного с ней возраста.

– Да. Чем я могу вам помочь?

– Господи, надеюсь, да, – выдохнула женщина. – Я пытаюсь отыскать как можно больше информации об Аталанте. – Она замялась. – Греческой охотнице, – пояснила она. – Не о городе в Джорджии.

– Я знаю, – улыбнулась Мелани, и ее пальцы забегали по клавиатуре. – Аталанта найдется в греческих мифах. Шифр тематики...

Мелани знала это из первых рук: 292. Но она не успела

даже назвать его, а женщина уже с облегчением вздохнула:

– Слава богу! Моя дочь делает доклад по обществоведению, и мы не смогли найти информацию в библиотеке Орфорда. Об Атласе три книги. Но об Аталанте...

Моя дочь. Мелани взглянула на список книг, найденных компьютером и находящихся буквально за углом. Она открыла рот, чтобы сообщить женщине информацию, но услышала голос, который не мог принадлежать ей.

– Посмотрите нон-фикшен, – сказала Мелани. – Шифр тематики шестьсот сорок один точка пять.

Это был раздел кулинарных книг.

Женщина с чувством ее поблагодарила и пошла искать не в том разделе.

Мелани чувствовала, как что-то борется и высвобождается у нее внутри – закупорка, которая возникла в ночь пятницы и теперь, рассасываясь, медленно отравляла ее организм. Она обхватила себя руками, пытаясь удержать в себе эту вредную энергию. К стойке подошел мужчина, прося порекомендовать какой-нибудь последний роман. Он сказал, что ему нравится Клэнси, Касслер, Крайтон, что он хочет познакомиться с новым для себя автором.

– Ну разумеется, – сказала Мелани. – Из последних Роберт Джеймс Уоллер.

Она отправила студентов колледжа к стеллажам детского отдела, историков – в отдел самопомощи, пользователей видеокассет – к стеллажу с путеводителями «Фодорса». Когда

один молодой человек спросил, как пройти в туалет, она послала его в кладовку, где они держали вышедшие из обращения книги. И все это время Мелани улыбалась, находя, что все это доставляет ей большое удовольствие.

За кухонным столом в доме Хартов сидел адвокат защиты Джордан Макафи, рекомендованный Гари Мурхаусом, справа от него – мрачный Крис, а за его спиной – Гас. Макафи приехал прямо из оздоровительного центра, на нем были шорты и измятая рубашка хенли. Румяные щеки и капли пота на висках.

Джеймс свято верил в первое впечатление. Правда, было восемь часов вечера... но все же. Отсутствие костюма, всклокоченные влажные волосы, капельки пота, – возможно, Джордану Макафи было просто жарко, но Джеймсу он показался каким-то нервным. Джеймс не мог представить этого человека чьим-то защитником, «благородным рыцарем», а тем более защитником собственного сына.

– Итак, – начал Джордан Макафи, – Крис уже рассказал мне то, что рассказал детективу Марроне. Поскольку он пришел по своей воле и поскольку она зачитала ему его права, все сказанное им может быть использовано против него. Однако, если до этого дойдет, я буду добиваться того, чтобы беседу в больнице признали неприемлемой. – Он посмотрел на Джеймса. – Уверен, у вас есть вопросы. Почему бы нам не начать?

«Сколько дел, – хотелось спросить Джеймсу, – вы выиграли? Откуда мне знать, спасете ли вы моего сына?» Но вместо этого он проглотил свои сомнения. Мурхаус сказал, что Макафи – светило юриспруденции, выпускал в Гарварде журнал, который пользовался спросом у всех компаний к востоку от Миссисипи, но затем поступил на работу в офис генерального прокурора штата Нью-Гэмпшир. После десяти лет службы он подался в адвокаты. Он славился обаянием, живым умом и не менее живым характером. Джеймсу стало любопытно, есть ли у Макафи собственные дети.

– Каков шанс, что состоится суд?

Макафи почесал подбородок:

– Формально Криса не называли подозреваемым, но его дважды допрашивали. Любое полицейское дело такого рода рассматривается как убийство. И, несмотря на алиби Криса, если офис генерального прокурора сочтет это необходимым, они предъявят обвинение. – Он посмотрел Джеймсу в глаза. – Я бы сказал, что этот шанс очень велик.

Гас судорожно вздохнула:

– Что произойдет потом? Ему семнадцать.

– Мама...

– В штате Нью-Гэмпшир его будут судить как взрослого.

– И это значит? – спросил Джеймс.

– Если его арестуют, то в течение двадцати четырех часов предъявят обвинение, а мы подадим ходатайство и внесем залог, если это необходимо. Потом будет назначена дата су-

да.

– Вы хотите сказать, его продержат ночь в полиции?

– Скорее всего, – ответил Макафи.

– Но это несправедливо! – воскликнула Гас. – Только потому, что генеральный прокурор считает, что было убийство, мы должны играть по его правилам? Убийства не было. Было самоубийство. За это не сажают в тюрьму.

– Существуют целые тома дел, миссис Харт, – сказал Макафи, – когда обвинение делает прыжок с разбега и слишком поздно обнаруживает, что в заводи нет воды. Крис и Эмили – два единственных человека, которые могут сказать, что произошло на самом деле. А в итоге? Эмили не может дать свою версию, а у штата Нью-Гэмпшир нет оснований доверять вашему сыну. Все, что полиция видит в данный момент, – это мертвая девочка-подросток и выпущенная пуля. Они не знают предысторию этих ребят, их отношения, состояние их рассудка. Могу сказать, что генеральный прокурор прочтет отчет по результатам вскрытия и усмотрит в нем все что угодно. Могу сказать, что он откроет дело на том основании, что на револьвере были отпечатки Криса. Что касается других его соображений... что ж, мне надо обстоятельно побеседовать с Крисом.

Гас пододвинула свой стул.

– С глазу на глаз, – сдержанно улыбнувшись, добавил Макафи. – Вы можете платить гонорар адвокату, но Крис – мой клиент.

– Мои поздравления, доктор Харт, – приветствовала Джеймса в среду утром администратор.

Джеймс с минуту таращился на нее. С чем она может его поздравлять? Когда он ушел из дому этим утром, Крис продолжал сидеть на диване, где его оставил Джеймс накануне вечером, оцепенело просматривая тот же телеканал на испанском языке. Гас была на кухне, готовила завтрак, который, как сказал Джеймс, Крис не станет есть. В этот период в жизни Джеймса было мало такого, с чем его можно было бы поздравить.

По пути в кабинет кто-то из коллег похлопал Джеймса по спине.

– Я всегда знал, что это случится с одним из нас, – с улыбкой сказал он и пошел дальше.

Джеймс вошел в свой небольшой врачебный кабинет и закрыл за собой дверь, не дожидаясь, пока кто-нибудь еще скажет что-нибудь странное. На письменном столе лежала почта, которую он не успел просмотреть с пятницы, а на самом верху стопки – распечатанный «Медицинский журнал Новой Англии». Там на нескольких страницах был приведен ежегодный список лучших врачей в каждой области. И в списке офтальмологической хирургии красным была обведена фамилия Джеймса.

– Бог мой! – воскликнул он, чувствуя, как из глубины его существа поднимается тепло.

Взяв трубку, Джеймс набрал домашний номер, чтобы поделиться новостью с Гас, но ответа не было. Он взглянул на свой диплом Гарварда, размышляя о том, как его награда будет смотреться в ламинированном виде на стене.

Ощущая душевный подъем, Джеймс повесил пальто и в поисках первого пациента зашагал по коридорам. Если даже кто-то из персонала и знал о ночных бдениях Джеймса в больнице на выходных, никто не вспоминал об этом. Или, может быть, награда «Медицинского журнала» вытеснила менее приятные слухи. Он задержался у смотрового кабинета и стал пролистывать историю болезни миссис Эдны Нили.

– Миссис Нили, как ваши дела? – распахнув дверь, спросил он.

– Не лучше, а иначе я отменила бы назначение, – ответила пожилая женщина.

– Давайте посмотрим, сможем ли мы поправить это, – сказал он. – Вы помните, что я говорил вам на прошлой неделе по поводу дегенерации желтого пятна?

– Доктор, я здесь ради глазных проблем. А не старческого слабоумия.

– Разумеется, – спокойно ответил Джеймс. – Тогда давайте покончим с этой ангиограммой. – Он подвел миссис Нили к большой видеокамере и усадил перед ней, потом взял шприц с флуоресцеином и ввел подкожно в руку пациентки. – Вы можете почувствовать небольшое жжение. Мы

ищем красящее вещество, — объяснил он. — Оно пройдет из вены к сердцу и затем, пройдя через все тело, в конце концов доберется до глаза. Красящее вещество остается в нормальных кровяных сосудах, но будет вытекать из поврежденных, геморрагических, вызвавших дегенерацию желтого пятна. Мы определим их локализацию и подлечим их.

Джеймс знал, что красящее вещество проходит из руки через сердце к глазу за двенадцать секунд. Свет, направленный в глаз, осветил флуоресцентную краску. Подобно притокам реки, нормальные кровяные сосуды сетчатки глаза пациентки образовали сеть тонких линий. Поврежденные сосуды взрывались крошечными вспышками, растекающимися затем в пятна белой краски.

Через десять минут, когда израсходовалось все красящее вещество, Джеймс выключил камеру.

— Хорошо, миссис Нили, — наклонившись к ней, сказал он. — Теперь мы знаем, где проводить лечение лазером.

— И как это мне поможет?

— Понимаете, мы надеемся, что это стабилизирует поврежденную сетчатку. Дегенерация желтого пятна — серьезная проблема, но есть шанс, что мы частично сохраним зрение, хотя оно может несколько ухудшиться по сравнению с прежним.

— Я ослепну?

— Нет. Этого не произойдет, — пообещал он. — Вы можете потерять часть центрального зрения — то, что нужно для

чтения или управления машиной, – но вы сможете ходить, принимать душ, готовить еду.

Он прервался на минуту, и миссис Нили одарила его дружелюбной улыбкой.

– Я слышала разговоры в приемной, доктор Харт. Люди говорили, вы один из лучших. – Протянув руку, она похлопала его по руке. – Вы позаботитесь обо мне.

Джеймс взглянул на ее больной глаз и кивнул, вдруг утратив весь свой прежний энтузиазм. Это одобрение он не расценивал как почет, это было ошибкой. Потому что Джеймс отлично понимал, каково это будет для миссис Нили – однажды вечером, сидя дома, осознать, что дверь не такой формы, какой была несколько минут назад, что газетный шрифт утратил четкость, мир не такой, каким она его помнила. Комиссия «Медицинского журнала» аннулирует его награждение, узнав о его сыне, покушавшемся на самоубийство и осужденном за убийство. Разумеется, никто не станет уважать специалиста по зрению, не сумевшего этого предвидеть.

– Ты обещала! – горячо произнес Крис. – Ты сказала, в тот день, как я выйду. А уже настал следующий день.

– Я помню, что сказала, милый, – вздохнула Гас. – Просто не знаю, стоит ли это делать.

– Ты уже однажды непустила меня к ней! – Крис вскочил со стула. – Мама, у тебя есть успокоительное? Потому что

только с его помощью ты снова меня остановишь. — Он подошел близко к ней, брызгая слюной. — Я больше тебя, — тихо произнес он. — И если захочу, то справлюсь с тобой. Если надо, я пойду до конца.

Гас прикрыла глаза.

— Нет, — сказала она, потом добавила: — Ладно.

— Ладно?

— Я возьму тебя с собой.

Они в молчании ехали на кладбище. Оно находилось фактически в пешей доступности от старшей школы. Гас вспомнила, как Крис рассказывал ей, что некоторые ребята любят приходить сюда во время свободных уроков, чтобы сделать домашнее задание или почитать. Крис вышел из машины. Сначала Гас отводила взгляд, делая вид, что читает наклейку от жвачки, застрявшую в складке пассажирского сиденья, но потом она не выдержала. Она смотрела, как Крис опустился на колени у прямоугольного могильного холмика, в изобилии покрытого еще не утратившими свежесть цветами. Она смотрела, как он проводит пальцами по прохладным лепесткам роз, изогнутым стеблям орхидей.

Он поднялся гораздо раньше, чем она ожидала, и подошел к машине. Приблизился к ее окну и постучал, чтобы она опустила стекло.

— Почему, — спросил он, — нет надгробной плиты?

Гас взглянула на могильный холмик.

— Еще слишком рано, — ответила она. — Но, по-моему, в

иудейской вере это по-другому. Ставят плиту через полгода или вроде того.

Крис кивнул и засунул руки в карманы куртки.

– Где тут верх? – спросил он.

Гас непонимающе взглянула на него:

– Что ты имеешь в виду?

– Голова, – объяснил он. – С какой стороны голова Эм?

Шокированная, Гас в испуге огляделась по сторонам. Могилы не были параллельны друг другу, тем не менее бóльшая часть надгробий располагалась определенным образом.

– По-моему, дальний край, – сказала она. – Но я не уверена.

Крис снова отошел и опустился на колени у могилы, и Гас подумала: «Ну конечно. Он хочет поговорить с ней». Но, к ее изумлению, Крис улегся поверх могилы, придавив руками цветы, простершись от головы до ног на шесть футов и прижавшись лицом к земле. Потом он поднялся с сухими глазами и вернулся к «вольво». Гас включила зажигание и поехала по кладбищенской дорожке, стараясь не смотреть на сына, на губах которого отпечаталась, как бывает от поцелуя, помада, но только из земли.

Тогда

Декабрь 1993 года

В Шугарлоф Крис ехал в машине Голдов, потому что они с Эмили хотели вместе поиграть в «Геймбой» и устроить марафон в «Тетрис». Их семьи собирались покататься на лыжах в Рождество и арендовали общий домик. Из кассетной деки гремел *Aerosmith*, динамики спереди были приглушены.

– Черт побери! – рассмеялся Крис, ударяя по клавишам миниатюрного компьютера. – Ты такая плутишка!

Уютно устроившись на своей стороне сиденья, Эмили фыркнула:

– Ты такой врунишка!

– Вот и нет, – ответил Крис.

– Вот и да.

– Ну и ладно.

– Да все равно.

Сидя за рулем, Майкл глянул на жену:

– Вот почему у нас нет второго ребенка.

Мелани улыбнулась и посмотрела через лобовое стекло на задние габаритные огни машины Хартов:

– Думаешь, они сейчас слушают Дворжака и едят бри?

– Нет, – оторвавшись от игры, вмешался Крис. – Если Кейт добилась своего, то они, наверное, поют «One Hundred

Bottles of Beer on the Wall». – Он посмотрел на маленький экран. – Эй, это нечестно!

– Не надо было лезть к моим родителям, – вкрадчиво произнесла Эмили. – Я выиграла.

– Какой смысл играть, если ты вытворяешь такое! – вспыхнул Крис.

– Это была честная игра!

– Поцелуй меня в зад! – выкрикнул Крис.

– Эй-эй! – в один голос произнесли Мелани и Майкл.

– Простите, – обиженно проронил Крис.

Чуть улыбаясь, Эмили скрестила руки на груди. Крис, нахмурившись, отвернулся к окну. Ну и что, если Эмили обыграла его в «Тетрис»? Игра все равно тупая, для придурков. Вот он ей покажет на выходных. Будет кружить вокруг нее на лыжах.

От этих мыслей ему стало лучше. Он снисходительно протянул ей «Геймбой»:

– Хочешь сыграть еще игру?

Эмили вздернула нос и отвернулась, чтобы не видеть его.

– Господи, – вздохнул Крис, – а теперь что?

– Ты должен извиниться, – сказала Эмили.

– За что?

Она взглянула на него блестящими темными глазами:

– Ты сказал, я жульничаю. Я не жульничаю.

– Отлично, не жульничаешь. Давай сыграем.

– Не буду, – фыркнула Эмили. – Скажи так, чтобы я по-

верила.

Прищулив глаза, Крис швырнул вниз «Геймбой», как перчатку. На хрен «Тетрис», на хрен извинение, на хрен Эмили! Он не понимал, зачем позволил ей уговорить себя ехать в их машине. Конечно, с ней бывает очень весело. Но иногда ему хотелось ее убить.

Мать Криса очень рассердилась на отца, собравшегося на охоту с мужчиной, с которым он познакомился на подъемнике, и не разговаривала с ним все утро кануна Рождества, пока он готовился в дорогу.

– Но он привез своего бигля, – пытался объяснить отец.

Почти невероятно было встретить на подъемнике парня, захватившего с собой лишние дробовики и охотничью собаку просто для вылазки в леса штата Мэн. И была ли в том вина отца, что, услышав об этом, Крис попросил взять его с собой?

– На кого мы будем охотиться? – чуть не прыгая от восторга на пассажирском сиденье, спросил Крис. – На лося?

– Неподходящий сезон, – ответил отец. – Возможно, на фазана.

Но когда в конце заброшенной дороги без знаков они увидели Хэнка Майерса, тот сказал, что сегодня хороший день для зайцев.

Хэнк был рад встрече с Крисом и вручил ему дробовик 12-го калибра. Втроем они пробирались по заснеженному

лесу, а Люси, собака Хэнка, обнюхивала кучи хвороста. Окованные тишиной, они двигались мягко и бесшумно, как истинные охотники.

Крис опустил глаза на снег, пытаясь разглядеть странные следы зайца, состоящие из пяти выемок, последняя из которых – след от хвоста. Белый снег слепил глаза. После часа ходьбы у него замерзли ноги, потекло из носа, он не чувствовал мочек ушей, высовывающихся из-под шапки. Даже катание на лыжах с Эм не было таким скучным.

Как бы то ни было, кто слышал о рагу из зайчатины в канун Рождества?

Вдруг Люси прыгнула. В куче хвороста Крис заметил белого зайца с черным глазом, припустившего с места во весь опор.

Крис тотчас же поднял ружье и нацелился на зайца, который двигался чертовски быстро, и было непонятно, как вообще можно подстрелить это существо. Люси бежала по его следу, но была еще далеко от него. Вдруг Крис почувствовал, как чья-то рука опускает ствол его ружья.

– Нет нужды это делать, – улыбнулся ему Хэнк Майерс. – Дело в том, что зайцы бегают по кругу. Люси его не догонит, но это не важно. Она пригонит зайца назад к тому месту, откуда он начал.

И действительно, пока Крис ждал, собачий лай все удалялся, потом вновь стал приближаться. Непонятно откуда в поле его зрения опять появился американский беляк и по-

пытался укрыться в куче хвороста, из которой недавно выскочил.

Крис поднял дробовик, нацелился на прыгнувшего зайца и нажал на курок.

Отдача отбросила его назад, и он почувствовал на плече руку отца.

– Подстрелил! – прокаркал Хэнк Майерс.

Люси перепрыгнула через пенёк, чтобы обнюхать добычу, махая хвостом из стороны в сторону.

Хэнк с ухмылкой подошел к подстреленному зайцу.

– Адский выстрел, – сказал он. – Разнес его в клочья. – Он поднял животное за уши и протянул Крису. – Мало что от него осталось, но это уже не важно.

Крису доводилось на охоте убивать оленей, он с удовольствием поохотился бы на лося или на медведя. Но от одного взгляда на этого зайца ему стало нехорошо. Он не знал, что тому виной – контраст между белым снегом и яркой кровью, или маленькая тушка самого зайца, напоминающая мягкую игрушку, или тот факт, что он впервые охотился на существо меньше себя и более беззащитное, – но он отвернулся, и его вырвало.

Он услышал, как отец тихо ругнулся. Крис вытер рот о рукав куртки и поднял голову.

– Прости, – произнес он, чувствуя отвращение к себе.

Хэнк Майерс плюнул на снег и взглянул на Джеймса:

– Вроде ты говорил, он регулярно с тобой охотится.

– Так и есть, – сжав губы, кивнул Джеймс.

Крис не смотрел на отца. Он знал, что увидит завуалированную смесь гнева и смущения, обычную реакцию Джеймса на ситуацию, которой тот не ожидал.

– Я освежую его, – сказал Крис, протягивая руки к зайцу и пряча лицо.

Хэнк собирался отдать ему зайца, но увидел, что на Крисе лыжная парка.

– А что, если нам поменяться куртками? – предложил он, пыхтя на холоде и стряхивая с плеч охотничью куртку.

Крис быстро влез в куртку мужчины, потом поднял зайца и засунул его в резиновую сумку, висящую на куртке сзади. Он все еще чувствовал тепло заячьей тушки.

Он молча пошел рядом с отцом, боясь говорить и одновременно боясь, что ничего не скажет, думая о зайце, кружившем, чтобы укрыться у себя дома.

Гас просунула руку под пояс трусов мужа.

– Ни одно существо не шевелилось, – прошептала она. – Даже мышь. – Она перекатилась на него, продолжая держать руку у него между ног. – Кажется, я все же нашла какое-то существо.

Улыбнувшись, Джеймс ответил на ее поцелуй. Он не понимал, почему ему так повезло, но ко времени возвращения его и Криса с охоты Гас успела остыть. И это было очень хорошо, учитывая то, как ужасно прошла охота. Он почувство-

вал, как пальцы Гас сжимают его яички.

– Сейчас, – пробормотала она, – не лучшее время, чтобы смеяться надо мной.

– Я не смеялся. Я просто думал.

Гас подняла бровь:

– О чем?

– Скоро придет Санта-Клаус, – рассмеялся Джеймс.

Посмеиваясь, Гас села и принялась медленно, эротично расстегивать ночную сорочку.

– А ты не хочешь развернуть вечером один из твоих подарков? – спросила она.

– Смотря какой, – ответил Джеймс. – Он большой?

– Скажем, да, придурок, и это единственный подарок, который ты получишь, – заявила Гас, скидывая сорочку с кровати.

Джеймс привлек ее к себе на грудь, пробегая руками по ее спине и ягодицам.

– Как насчет этого, – пробормотал он. – Как раз мой размер.

– Хорошо, – выдохнула Гас, чувствуя, как он трогает ее рукой между ног. – Потому что я не знала бы, кому его вернуть.

Джеймс ощутил, как ее ноги стискивают его бедра, а тело раскрывается ему. Они перекатились по кровати, и Джеймс оказался над ней. Все это время они не разжимали сомкнутых рук. Он легко вошел в нее и потом сильно прижался

ртом к ее ключице, боясь того, что может сказать или выкрикнуть, когда потеряет контроль.

Когда все кончилось, Гас распростерлась под ним, тяжело дыша, вся влажная от пота. Джеймс еще крепче обнял ее и прошептал ей на ухо:

– Должно быть, в этом году я очень хорошо с тобой общался.

Он почувствовал, как Гас прикоснулась губами к его груди.

– Да, это так, – пробормотала она.

– Ты не поверишь, – сказал Майкл, – но я слышал над головой топот копыт.

Рука Мелани с очками замерла на пути к прикроватному столику.

– Ты, наверное, шутишь.

– Нет, не шучу, – настаивал Майкл. – Пока ты была в душе.

– Топот копыт?

– Как у северного оленя.

– Полагаю, Санта прячется в стенном шкафу, – расхохоталась она.

– Я серьезно. – Майкл нахмурился. – Погоди... Вот послушай. На что это, по-твоему, похоже?

Мелани подняла голову, услышав какие-то звуки, как от скрипа и глухих ударов по твердой поверхности. Бросив

взгляд на потолок, она нахмурилась и, повернувшись к стене, у которой находилась передняя спинка кровати, прижалась ухом к этой стене.

– Ты слышишь Гас и Джеймса, – заявила она.

– Гас и...

Кивнув, Мелани хлопнула ладонью по стене, чтобы Майкл понял.

– Северный олень, как бы не так!

Майкл ухмыльнулся.

– Гас и Джеймс? – переспросил он.

Мелани откинула одеяло и забралась в постель.

– Кто еще это может быть?

– Понимаю. Но Джеймс?

Мелани выключила лампу со своей стороны кровати. Скрестив руки на груди, она напрягла слух, пытаясь услышать очередной удар и вскрик за стеной.

– А что не так с Джеймсом?

– О-о, не знаю. Разве тебе не проще представить за этим занятием Гас, чем Джеймса?

Мелани нахмурилась:

– Обычно я не думаю о том, как любой из них этим занимается. – Она подняла брови. – А ты?

Майкл покраснел:

– Ну, пару раз это приходило мне в голову.

– Такие возвышенные стремления.

– Ой, перестань! – рассмеялся Майкл. – Готов поспорить,

они тоже думали про нас. — Одним быстрым движением он перекатился к ней. — Мы можем дать им кое-что послушать, — предложил он.

Мелани пришла в ужас:

— Исключено!

Каждый устроился на своей подушке. Сквозь тонкую стену доносилось тихое нежное постанывание. Майкл рассмеялся и повернулся на бок. Еще долго после того, как он заснул, Мелани прислушивалась к сексу соседей, пытаясь представить, что эти стоны исторгаются из ее горла.

Крис мог припомнить такие кануны Рождества, когда было невозможно уснуть, думая о гоночной машинке под елкой, о железной дороге или о новом велосипеде. Это было хорошее состояние — бессонница, подогреваемая возбуждением. Сейчас он не испытывал ничего подобного.

Каждый раз, закрыв глаза, он видел убитого зайца.

Крис вспомнил, о чем говорил иногда отец, когда у него выдавался скверный день в больнице. В такие дни ему надо было выпить чего-нибудь крепкого.

Он подождал, пока родители перестанут изображать Санту — довольно глупое занятие, учитывая, что Кейт уже в него не верила, — и прокрался на кухню на первом этаже коттеджа. Он знал, что в холодильнике есть бутылка «Самбуки». Накануне вечером его отец с отцом Эмили выпили по стаканчику и выкурили по хорошей сигаре. Бутылка была пол-

на на три четверти.

Крис нашел в буфете стакан для сока и наполнил его до краев. Он понюхал алкоголь – запах напоминал солодку – и отхлебнул. Глотку обожгло огнем, потом стало тепло в животе. Заяц, усмехаясь, подумал он. Какой заяц?

Осушив полстакана, Крис перестал чувствовать пальцы на ногах и кончики пальцев рук. Кухня приятно расплывалась перед глазами. Теперь в бутылке оставалось меньше половины, и Крис наклонил ее на один бок, наблюдая, как течет и вибрирует спиртное. *Может, они подумают, что все выпил Санта. К черту печенье с молоком!* Вдруг ему показалось это смешным, и он засмеялся, но потом заметил стоящую в дверях кухни Эмили.

На ней была фланелевая ночная рубашка с принтом крошечных пингвинов, – по крайней мере, он считал, что это пингины.

– Что ты делаешь? – спросила она.

Крис улыбнулся:

– На что это похоже?

Эмили не ответила, просто подошла ближе, принюхиваясь к бутылке «Самбуки».

– Фу! – Она сморщила нос и отвернулась. – Это гадость.

– Это божественно! – поправил ее Крис.

Интересно, пробовала ли Эмили крепкие напитки. Насколько он знал, нет. Его забавляла мысль о себе как о посланце зла, и, подавшись вперед, он протянул ей стакан:

– Попробуй. Это похоже на лакричные конфеты, которые ты покупаешь в кино.

– «Гуд энд пленти»?

– В точности, – кивнул Крис.

Эмили помедлила, но все же взяла стакан:

– Ну, не знаю.

– Трусишка!

Крис знал, что это подействует. Глаза Эмили сверкнули в лунном свете, и она крепче зажала стакан. Поднеся к губам, она опрокинула его, и Крис не успел даже предупредить ее, что надо пробовать понемногу.

Эмили сильно закашлялась и выплюнула на кухонный стол ликер. Глаза у нее расширились, и она схватилась руками за горло.

– Господи! – охнул Крис и стал хлопать ее по спине.

Наконец Эмили удалось отдышаться.

– Бог мой! – прохрипела она. – Эта бурда...

– Не для тебя.

Крис и Эмили вскинули голову, увидев стоящих в дверях кухни родителей в полном составе и в разной степени неодетых. Джеймс прищурил глаза и сделал шаг вперед:

– Не хотите рассказать, чем это вы занимаетесь?

Крис так никогда и не узнал, почему Эмили выдала его. Раньше, когда их ловили на разных проделках, они всегда держались друг друга. Основой их дружбы была солидарность. Но на этот раз Эмили дрогнула под взглядом его отца.

– Это был Крис. – Она указала на него дрожащим пальцем. – Он заставил меня попробовать.

Ошарашенный Крис откинулся на стуле.

– Я заставил тебя?! – воскликнул он. – Я тебя заставил? Я поднес стакан к твоим губам и влил в тебя спиртное?

Рот Эмили беззвучно открылся и закрылся, как у рыбы.

– Ближе к делу, – сказал его отец, – почему ты сидишь здесь и пьешь, обормот?

Крис принялся объяснять. Но, заглянув в глаза отца, он вновь увидел зайца с развороченным животом, и нужные слова не смогли пробиться через жалость, застрявшую у него в глотке. Он покачал головой, и одно это движение вернуло его в лес, когда он стоял с дымящимся дробовиком в руке, уставившись на кровь на снегу.

Прикрыв рот рукой, он метнулся в ванную, успев заметить, как Эмили опустила глаза и отвернулась.

Это Рождество не было веселым.

Крис провел утро в одиночестве, сидя на кровати в своей комнате и прислушиваясь к доносящимся снизу неестественно веселым голосам людей, которые открывали свои подарки. Единственным человеком, получающим удовольствие от этого, была Кейт, проспавшая все события прошлой ночи.

Он думал о том, что они собираются делать с его подарками. Вернуть в магазин? Отдать на благотворительность?

Вряд ли он их увидит, и это было очень досадно, поскольку он догадывался, что получил бы пару новых лыж, на которые смог бы встать в этот же день. Крис бросился на кровать лицом вниз, пытаясь убедить себя, что его старые лыжи вполне сойдут.

Сразу после трех в комнату вошла его мать. На ней был лыжный комбинезон, а на шее висели защитные очки. Увидев ее, Крис испытал приступ зависти. И хотя он успел устать от лыж, но отдал бы все, чтобы остаться на склоне вместо охоты на этого глупого зайца.

Гас положила руку ему на плечо:

– Привет! Веселого Рождества!

– Да уж, веселого, – увернувшись от нее, ответил Крис.

– Мы с отцом решили: если хочешь, можешь покататься до вечера.

«До вечера» означало всего-навсего час с небольшим.

Крис заметил, что мать даже не упомянула подарки.

– Здесь Эмили, – тихо сказала мать. – Она не хочет кататься без тебя.

Да мне по фигу! – подумал Крис, но просто фыркнул.

Он смотрел, как мать выходит из комнаты, но потом заметил съежившуюся у входа Эмили.

– Привет, – сказала она. – Как поживаешь?

– Отлично, – проворчал Крис.

– Ты... гм... хочешь пойти со мной?

Он не хотел. Если бы их корабль тонул, он не сел бы с ней

в спасательную шлюпку. Не имело значения, что вчера она была напугана и, возможно, ее затошнило от одного глотка. Не имело значения, что у Криса не было случая рассказать ей, почему он напился. Эмили стала предательницей, и он не мог этого так быстро простить.

– Я спустилась одна с Черного Ужа, – сообщила она.

После этих слов Крис поднял глаза. Черный Уж был одним из самых сложных склонов на Шугарлофе – с массой поворотов, изгибов и перепадов, возникающих неизвестно откуда. Он несколько раз спускался с него, но всегда медленно, поскольку ему приходилось ждать, пока Эмили пересилит свой страх и проедет небольшую часть, а потом снова придет в ужас. Если Эмили спускалась одна, у нее это, вероятно, заняло два часа.

Вдруг Криса как будто что-то осенило. Он может отомстить Эмили за вчерашнее, причем так легко. Она чувствует свою вину – это было ясно – и на уши встанет, чего бы он ни попросил. Он поедет с ней по более сложному, чем Черный Уж, склону, на котором она будет трястись от страха, а он один спустится вниз.

Крис улыбнулся, настроение его улучшилось.

– Тогда чего же мы ждем? – вставая, спросил он.

Эмили дрожала как осиновый лист на точке высадки самого высокого подъемника на Шугарлофе, держа перед собой лыжные палки как барьер между крутым склоном и со-

бой.

– Эм, ну давай! – нетерпеливо прокричал Крис сквозь ветер.

Она прикусила губу и оттолкнулась, тормозя «плугом» для снижения скорости. Но дуга была слишком крутой, и Эмили с трудом удерживала равновесие, скользя вслед за Крисом.

– Это труба, – выдохнула она.

Крис злобно улыбнулся:

– Это самый легкий участок.

В этом месте она всерьез собиралась снять лыжи и спуститься пешком, но ей хотелось вернуть расположение Криса. В конце концов, это она виновата в том, что Крис провел утро в комнате. Если бы Крис проявил снисходительность и позволил ей спускаться с ним, она поехала бы вверх тор-машками, пожелай он этого.

Она смотрела, как Крис быстро спускается по склону, с кошачьей грацией вихляя бедрами из стороны в сторону, как ветер треплет помпон его шапки. Как у прирожденного спортсмена, у него это выглядело легко. Глубоко вдохнув, Эмили оттолкнулась палками. В крайнем случае, подумала она, он смягчит мое падение.

Она вписалась в первый поворот на слишком большой скорости, так что проскочила мимо Криса, оказавшись на несколько футов ниже его, и мчалась на опасной скорости к краю лыжной трассы.

– Срежь угол! – услышала она крик Криса и едва не рас- смеялась.

Он действительно думает, что она контролирует ситуа- цию?

Сначала одна лыжа, потом другая ударились в гребень на краю трассы. Эмили почувствовала, как щеки ей оцарапа- ли тонкие ветви, как на нее посыпался снег с верхних су- чьев сосен. Она пыталась держать колени вместе, ноги пря- мо, холодный пот заливал ей подмышки и спину. Она ощу- тила дрожание воздуха, когда Крис позвал ее по имени, а по- том ее лыжа уткнулась в канаву с хворостом. Падая, Эмили почувствовала облегчение.

Ей повезло, что она не сломала себе шею.

Все могло быть гораздо хуже.

Должно быть, адски больно.

Они не думали, что Крис их слышит, но он сумел уловить каждое слово. Парамедикам, приехавшим за Эмили на «ско- рой помощи», ничего не оставалось, как взять с собой Криса в больницу, поскольку он, как пиявка, прилип к носилкам, а ее родители еще не ответили на пейджер. Он был рядом с Эмили в машине «скорой» и даже в приемном отделении, и в конечном итоге люди перестали пытаться прогнать его.

Когда она вот так улетела с трассы... Господи, он даже не мог думать об этом без дрожи! Он не хотел оставлять ее,

но ему надо было позвать на помощь. Он попросил людей на склоне вызвать лыжный патруль и, сняв лыжи, побежал к тому месту, где лежала Эмили. Шапка свалилась у нее с головы, и волосы рассыпались по снегу. Он знал, что Эмили нельзя двигать, но взял ее за руку, чувствуя, как у самого сводит живот.

В этом виноват он. Если бы он не затащил Эмили на этот склон, желая напугать ее, она никогда не слетела бы с трассы.

Пока «скорая» ехала в больницу, Эмили пришла в себя.

– Мне больно, – с трудом сглотнув, сказала она. – Как это случилось?

Крис не хотел говорить, что у нее сломана нога, что лодыжка вывернута под немыслимым углом, как у дурацкого персонажа из мультика. Он не стал говорить ей, что она долго катилась по склону, прежде чем остановиться, что ее лицо обезображено царапинами и синяками.

– Ты упала, – просто ответил он. – Ты скоро поправишься.

Глаза Эмили наполнились слезами.

– Мне страшно, – прошептала она, и у него сдавило горло. – Где моя мама?

– Сейчас приедет, – ответил он, – но здесь я.

Он наклонился ближе к ней, неловко обнимая ее. Прикрыв глаза, он в тот момент решил, что всю оставшуюся жизнь будет для Эмили ангелом-хранителем.

Сломанная нога Эмили перевесила проступок Криса с

«Самбукой». Мелани и Гас настаивали на возвращении в Бейнбридж, и Майкл тоже к этому склонялся, но в конечном итоге Эмили уговорила их не прерывать каникулы. Из чувства солидарности все оставались в коттедже, отказавшись от лыж в пользу настольных игр вроде «Эрудита» и «Монополии». На второй день Эмили надоело, что с ней обращаются как с инвалидом, и она стала гнать всех на склоны. Немного поразмыслив, даже Мелани согласилась выходить на час-другой. Однако Крис отказался оставить Эмили.

– Мне не хочется, – говорил он, и никто его не заставлял.

Они сидели с Эм на диване перед камином, и она положила ногу на кофейный столик. Глядя на огонь, они разговаривали. Крис рассказал ей про зайца, Эмили покаялась в том, что выдала его. Они смеялись над тем, как он достал из холодильника «Самбуку», пока родителей не было на кухне. Он вспомнил то время, когда они были маленькими, как им в головы могли приходить одни и те же мысли.

Крис проснулся от треска пламени камина. Оказывается, он незаметно для себя уснул. Опустив глаза, он увидел, что Эмили тоже задремала, свернувшись калачиком под его рукой.

Она навалилась на него всей тяжестью, и ему было неудобно. Сквозь хлопок рубашки он чувствовал влажное тепло ее щеки. Крис поразились длине ее опущенных ресниц. Ее дыхание пахло ягодами.

Вот такие дела – он затвердел как камень. Залившись яр-

кой краской, он попытался поправить ширинку джинсов, не разбудив Эм, но при этом случайно задел ее грудь.

Господи, это же Эмили! Та самая Эмили, к которой перешел его высокий стульчик, когда он из него вырос. Та Эмили, которая помогала ему высушивать слизней с помощью соли; которая ставила с ним палатку у него на заднем дворе.

Как могла девочка, которую он знал всю жизнь, вдруг превратиться в совершенно незнакомого человека?

Она зашевелилась, заморгала и, поняв, что лежит у него на груди, оттолкнула его.

– Извини, – сказала она, но все же была так близко от него, что ее слово как будто упало на его губы, и он ощутил ее вкус.

Крис не думал, что сможет побыть с Эмили наедине.

Все три дня он прибегал к разным уловкам, чтобы Эмили прислонилась к нему, случайно задела или прикоснулась.

Ему так хотелось поцеловать ее. А эта бесценная возможность с каждым днем таяла.

Их родители собирались пойти на новогоднюю вечеринку, организуемую лыжным курортом Шугарлоф. Однако Мелани с Майклом не хотели идти из опасения, что Эмили может что-нибудь понадобиться, а они будут далеко. Все четверо стояли в шикарных вечерних нарядах, пытаясь прийти к общему мнению.

– Мне тринадцать, – сказала Эмили. – Мне не нужна нянька.

– Если что-нибудь случится, – добавил Крис, – я умею водить и смогу доехать на другой машине до главного корпуса. Гас и Джеймс резко повернулись к сыну.

– Это нам знать необязательно, – сухо произнес Джеймс, а затем добавил: – Майкл, возьми свои ключи.

Мелани, сидевшая на диване рядом с Эмили, пощупала ее лоб.

– Я сломала ногу, – простонала Эмили. – У меня нет температуры.

Гас дотронулась до плеча Мелани:

– Ну, что скажешь?

– А что бы ты сделала? – пожала плечами Мелани.

– Наверное, пошла бы. Ничего больше ты сделать для нее сейчас не можешь.

Мелани встала, отводя волосы со лба Эмили. Та нахмурилась и встряхнула волосами.

– Ладно. Но я могу вернуться до полуночи. – Мелани с притворной улыбкой повернулась к Гас. – Знаешь, а ты лгуныя. Будь это Кейт, ты и на метр не отошла бы от нее.

– Ты права, – дружелюбно согласилась Гас. – Но разве я тебя не убедила? – Она обратилась к Крису: – Отправишь Кейт спать вовремя?

Сверху послышалось хныканье Кейт.

– Ма-а-ма! – закричала она. – Можно мне не ложиться до полуночи?

– Конечно! – крикнула Гас в ответ, взглянула на Криса и

тихо добавила: – Когда она через полчаса заснет на диване, отнеси ее наверх. – Потом она поцеловала сына и помахала Эмили. – Ведите себя хорошо. – И вместе с остальными взрослыми предоставила Криса и Эмили самим себе.

Руки Криса подергивались на коленях. Руки жаждали прикоснуться к Эмили, находившейся всего в десяти дюймах от него. Он сжал пальцы в кулак в надежде, что пальцы не выдадут его, не потянутся к бедру Эмили.

– Крис, по-моему, Кейт отключилась, – прошептала Эмили и кивнула влево, где на диване спала Кейт, свернувшись калачиком. – Наверное, надо отнести ее наверх.

Пыталась ли она сказать, что тоже хочет остаться с ним наедине? Крис старался встретиться взглядом с Эм, понять, что именно она имела в виду, но она расчесывала кожу у гипсовой повязки. Крис подхватил сестру на руки и отнес ее наверх. Уложив Кейт в кровать, он закрыл за собой дверь.

На этот раз он постарался сесть ближе к Эмили, закинув руку на спинку дивана.

– Тебе принести что-нибудь? Сока? Попкорна?

Эмили покачала головой:

– Все хорошо, – и, взяв пульт управления, начала переключать каналы.

Крис стал легко водить большим пальцем по краю рукава Эмили. Она не отдернула руку, и он добавил второй палец. И третий. А потом стал гладить ее плечо рукой.

Он не мог даже взглянуть на нее, просто не мог. Но он почувствовал, как Эмили замерла, как ее кожа чуточку потеплела. Впервые в этот вечер он немного расслабился.

Когда взрослые собирались на вечеринку, раздумывая, можно ли оставить Эмили одну, они совсем позабыли, что в приглашении было сказано: «Принесите выпивку с собой». Джеймс вызвался пойти и купить бутылку шампанского. Гас напомнила ему, чтобы вернулся до полуночи.

Он не удосужился проверить наручные часы, пока не подъехал на парковку третьего закрытого супермаркета. Сейчас 23:26, думал он, не догадываясь, что батарейки часов сели. Вернусь в коттедж и возьму бутылку вина.

До полуночи оставалось две минуты.

Крис вспомнил, как однажды к нему на ладонь села бабочка. Он стоял совершенно неподвижно, боясь спугнуть прекрасное существо даже какой-то непрошенной мыслью. С Эмили сейчас было точно так же. Она не сказала ни слова, и он тоже, но в последние сорок две минуты обнимал ее одной рукой, словно для него это была совершенно обычная вещь.

В телевизоре люди на Таймс-сквер сходили с ума. Там были мужчины с фиолетовыми волосами и женщины в костюме Марии Антуанетты, парни его возраста, подбрасывающие в воздух младенцев, которым полагалось спать. Шар начал соскальзывать вниз под крики толпы, и Крис почувствовал,

что Эмили чуть-чуть пододвинулась к нему.

А потом настал 1994 год. Эмили нажала пальцем клавишу выключения звука на пульте. В гостиной коттеджа больше не раздавались крики и не звучали фанфары. Крису казалось, он слышит собственный пульс.

– С Новым годом! – прошептал он, наклоняясь к ней.

Она повернулась к нему, и они сильно ударились носами, но она рассмеялась, и все было в порядке, потому что это была Эм. Ее губы были такими мягкими, и он, чуть приоткрыв ей рот, провел языком по ровной линии ее зубов.

Она тотчас же отпрянула, Крис тоже. Краем глаза он видел, как на Таймс-сквер тысячи людей скачут и смеются.

– Ну как тебе? – прошептал он.

Эмили вспыхнула.

– Вообще-то... мне понравилось.

Крис улыбнулся ей в шею.

– Мне тоже, – откликнулся он, вновь подбираясь к ее губам.

Когда Джеймс вошел в коттедж, из телевизора доносился рев приветствий. Потом вдруг шум замолк. Он остановился на кухне, держа за горлышко бутылку шампанского. Поставив бутылку на кухонный стол, он заглянул в гостиную.

Первое, что он увидел, был телевизор, из которого молчаливо объявляли о наступлении 1994 года. Второе, что он увидел, были Крис и Эмили, целующиеся на диване.

Ошеломленный, Джеймс оцепенел и потерял дар речи. Бог мой, они ведь еще дети! В его памяти еще было свежо воспоминание о происшествии с «Самбукой», и он не мог поверить, что его сын совершит один за другим два непозволительных проступка.

Потом он осознал, что Крис и Эмили делают именно то, на что всегда надеялись их родители.

Не потревожив их, он попятился к двери, вышел из котеджа и сел в машину. Приехав к главному корпусу, он продолжал улыбаться. Его встретила Гас с красными от гнева щеками и волосами, усыпанными конфетти.

– Ты опоздал, – сказала она.

Улыбаясь, Джеймс описал ей и Голдам увиденную им сцену. Мелани и Гас в восторге расхохотались, а Майкл покачал головой:

– Вы уверены, что они только целовались?

Все четверо подняли бокалы с водой в честь 1994 года. И никто не заметил, что Джеймс забыл шампанское.

Сейчас

С середины до конца ноября 1997 года

По прошествии многих дней после смерти Эмили Мелани ловила себя на том, что фиксирует внимание на самых обычных вещах: завитках рисунка древесины обеденного стола, зиплоке пакетов, инструкции по синдрому токсического шока из коробки с тампонами. Она могла часами вглядываться в эти вещи, словно не видела их тысячу раз раньше, словно не знала, чего ей не хватает. Она чувствовала, что это желание вникнуть в детали было навязчивым, но необходимым. Что, если завтра утром одна из этих вещей исчезнет? Что, если она будет знать об этих вещах лишь по памяти? Теперь она знала, что в любое время ее могут подвергнуть проверке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.